Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской Епархии Русской Православной Церкви»
Кафедра Церковной истории

Допущена к защите
Заведующий кафедрой
священник Антоний Лозовский
свящ. А. Лозовский
«26» апреля 2016 г.

Максим Сергеевич Попов

Пострадавшие за веру в Рассказовском районе Тамбовской епархии

Выпускная квалификационная работа

Студент 5 курса
специальности «Православное богословие»
заочной формы обучения

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент В.Д. Орлова

Тамбов
2016

Оглавление

Введение 3

Глава I. Мученичество как один из путей спасения 11

1.1. Виды мученичества 11

1.2 Богословское значение мученичества 22

1.3 Процесс прославления мученика 29

Глава II. Репрессии в отношении уроженцев Рассказовского района и служившего на Рассказовской земле духовенства 34

2. 1 История репрессивной политики советского государства в отношении церкви и ее отклик на Рассказовской земле 34

2.2. Трагическая судьба священнического рода Алабовских из села Саюкино 42

2.3. Погибшие клирики, монашествующие и миряне 51

2. 4 Пострадавшее от гонений духовенство 65

Заключение 80

Список использованных источников и литературы 83

Приложение 88

Введение

Актуальность темы. Мученичество – следование за Христом, повторение Искупительной Жертвы Христа. Господь выступает как первообраз мученичества свидетельства собственной Кровью. Он говорит: «Я на то и родился и на, то и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об Истине» (Ин 18, 37.).

Вся наша жизнь, так или иначе, состоит из терпения скорбей и лишений в определенном смысле этого слова. Первые христианские мученики за веру – это свидетели страданий Христа. Но в XX веке из-за атеистической политики советского государства в СССР тысячи православных приняли мучения за то, что они оставались тверды в вере.

Вопросы, связанные с почитанием и прославлением пострадавших во имя Христово для русских православных христиан сейчас приобрели особое значение. Ведь, наша Церковь в 2000 году прославила сонм мучеников за Христа и православную веру, пострадавших в Росси в XX веке. Это начинание, очень важное для всей Церкви Христова, тем или иным образом касается - или должно бы касаться - каждого христианина. Хочется понять и то, почему дело прославления мучеников для нас так значимо, и то каким образом принять в нем участие.

Актуальность темы о новомучениках Рассказовского района Тамбовской области высока. На локальном уровне исследование судеб духовенства и верующих, ставших жертвами советских политических репрессий по религиозным мотивам, необходимо для восстановления исторической справедливости, для поминовения этих людей и ради воспитания современных прихожан.

В 2010-е годы, к сожалению, произошло некоторое затухание общественного интереса к темам репрессий. Это несправедливо. Поэтому, ранее не формулировавшаяся специально тема о новомучениках

Рассказовского района должна быть изучена и доведена до младших поколений прихожан.

Методология. При работе над темой использовался метод историзма, позволяющий изучать факты локальной истории в их развитии на фоне событий в стране в целом. Также использовались индуктивный и дедуктивный методы, метод научного моделирования.

Объектом данного исследования является политика атеистического советского государства, поставившая своей целью повсеместную ликвидацию православия через истребление самых духовно сильных священнослужителей и прихожан, разрушение храмов. Проводимый анализ должен исторически- последовательно раскрыть смысл подвига новомучеников.

Предмет исследования – судьбы новомучеников одного из районов Тамбовской области – Рассказовского.

Целью данной работы является раскрытие духовного смысла подвига рассказовских новомучеников.

Задачи:

Изучить воззрения православной Церкви на мученичество.

Охарактеризовать обстановку в Рассказовском районе Тамбовской области в годы советского государственного атеизма.

Выделить этапы преследований верующих.

Рассмотреть действия советской власти против Церкви, сопутствовавшие репрессиям.

Исследовать вопрос об информированности современных прихожан о новомучениках из их приходов и действиях по увековечению памяти жертв политических репрессий по религиозным мотивам.

Гипотеза. Трагические судьбы верующих Рассказовского района, репрессированных и погибших за приверженность православию, были закономерным результатом государственной политики и духовной инертности большинства жителей.

Анализ источников. Для изучения истории репрессий были изучены законодательные и актовые источники советского периода, на основании которых репрессировали и реабилитировали духовенство.

Свободного доступа к архивным фондам с делами о репрессиях нет. Поэтому, в качестве источников использовались опубликованные материалы о Тамбовских новомучениках[1]. У составителей книги была возможность официальных запросов в архивы, хранящие фонды советских карательных органов.

Дополнительный поиск мы провели по летописи храма в Рассказово. Этот источник был написан в 2009 году отцом Владимиром (Шелдовициным). В нем содержится информация и о храмах и судьбах священнослужителей окрестных сел.

В краеведческом музее города Рассказово в постоянной экспозиции нет материалов о политических репрессиях вообще и о репрессиях, мотивированных антирелигиозной политикой государства. На вопрос о наличии интересующих нас материалов в фондах музея сотрудники ответили, что нужно разрешение от администрации на работу с документами и реликвиями. Работа с родственниками репрессированных для записи воспоминаний, копирования семейных фотографий в музее не организована.

Для более полного представления о сохранении памяти о местных новомучениках в приходах мы использовали интервью с духовенством, прихожанами и учителями воскресных школ (Иоанно-Богословской в Рассказово, воскресной школы храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Нижнеспасское, воскресной школы села Верхнеспасское, воскресной школы при церкви Святой великомученицы Екатерины). Устная история имеет свои достоинства и недостатки. Память людская может содержать детали, отсутствующие в формализованных документах государственных учреждений. Но у людей нередко возникают затруднения с точной

[1]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014

датировкой событий, происходит наложение реальных событий с увиденными в телепередачах и фильмах. Чем старше респондент, тем эти особенности устного источника более выражены. Среди опрошенных нами людей наиболее интересная устная информация была получена от служащих священников в храмах Рассказова и Рассказовского района, которые проводили активную работу по поиску материалов по данному делу и опрашиванию современников рассказовских новомучеников, а также судеб храмов, в которых они (мученики) служили.

Для изучения истории репрессий были изучены законодательные и актовые источники советского периода, на основании которых репрессировали и реабилитировали духовенство и мирян Они опубликованы в сборнике «Русская Православная Церковь в советское время»[2]. Большой комплекс текстовых и фотодокументов по этой проблеме включен в иллюстрированную летопись истории РПЦ в XX веке[3]. В этом издании год за годом, день за днем представлена картина жизни Русской Православной Церкви за целое столетие. В книгу включен огромный свод документальных свидетельств и исторических документов, принятых и государственными органами, и высшими органами РПЦ. Этот комплекс опубликованных документов позволяет почувствовать исторический фон огромной православной страны, терзаемой безбожной властью. Такое сопоставление помогает понять, что события противостояния новомучеников с богоборческим государством в исследуемом нами Рассказовском районе Тамбовской области были типичны для советской эпохи истории Русской Православной Церкви. Подвиг людей, стоявших за веру Христову в селах нашего района, был общим с их братьями из любой другой православной области СССР и подтвердил незыблемость евангельского, Христова обетования: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф..16,18).

---

[2]Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. Москва, 1995.
[3]Русская Православная Церковь. XX век. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 800с.: ил.

Мы внимательно прочитали печально известную 58 статью Уголовного Кодекса РСФСР сталинской эпохи[4] для того, чтобы лучше понять, как же государственные органы подводили под наказание по одной и той же статье множество безвинных людей. Эта статья обвиняла граждан в контрреволюционной деятельности, которая тогда понималась очень широко и каралась от изоляции на срок от шести месяцев до расстрела с конфискацией имущества. В статье 58 пункте 10 была очень хитрая уловка советских юристов. Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, а также хранение литературы такого содержания считалась особенно вредной, если совершалась «с использованием религиозных предрассудков масс»[5]. Естественно, что у любого священнослужителя была церковная литература, которую, при желании, объявляли контрреволюционной, любой священник читал проповеди и говорил с прихожанами о тяготах повседневной жизни. «Использование религиозных предрассудков» приравнивалось по тяжести преступления к антисоветским действиям в военной обстановке и каралось расстрелом. Статья 58 пункт 11 давала возможность расстрелять любого за участие в организации, образованной для подрыва государства. Фантазии сотрудников силовых ведомств в СССР по выдумыванию не существовавших антисоветских организаций предела не было. Поэтому многие мученики за веру обвинялись в том, что состояли именно в таких мифических организациях.

Основным источником для выборки и анализа биографий новомучеников за веру, родившихся или служивших в Рассказовском районе, стало издание «Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа»[6].

---

[4]Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. Ст. 58. П.10,11. Москва, 1926. С.330.
[5] Там же С. 331
[6]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014.

Кроме того, материалы о рассказовских жертвах репрессий мы нашли в документах, фотографиях и видеозаписях, хранящихся в музее собора Иоанна Богослова в городе Рассказово. Некоторые видеозаписи интервью с верующими-жертвами политических репрессий до нас не были перенесены в текстовую форму и не использовались.

Для анализа современного состояния увековечивания памяти жертв репрессий мы расспросили священников города и района, а также жителей города и близлежащих сел и деревень.

Мы считаем, что состояние источниковой базы позволяет провести исследование по теме.

Степень изученности темы. События новейшей истории русской Православной Церкви в середине XX века были в центре внимания русских исследователей, живших и работавших за рубежом СССР. Таковы были особенности исторической науки того времени. Они пользовались зарубежными архивами, советской и иностранной периодикой, рассказами сумевших покинуть страну очевидцев. Первые издания их книг были на иностранных языках. Первым аналитическим трудом о судьбе Церкви в СССР, написанным за границей в 1979 году, стала книга Д.В. Поспеловского, изданная в нашей стране только в 1995 году[7]. Естественно, что у исследователя не было задачи, да и возможности, обратиться к истории отдельных епархий русской Православной Церкви в СССР.

Всплеск интереса отечественных журналистов и историков к теме политических репрессий в СССР начался в конце 1980-х годов и породил многочисленные публицистические публикации в 1990е годы. Тогда же велся поиск мест массовых казней жертв репрессий. Об этом шли публикации в периодике. В центре их внимания были не мученики за веру, а любые репрессированные. Деятельность общества «Мемориал», имевшего местные организации, породила волну обращений в государственные органы с

[7] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995. - 511 с.

требованием реабилитации невинно замученных. Тогда-то и стало очевидно, что среди них было много священнослужителей и прихожан не только столичных, но и сельских церквей. Стали появляться первые издания с биографиями реабилитированных.

К середине 1990-х годов были изданы первые труды о взаимоотношениях государства и церкви в период политических репрессий. Эта тема была хорошо отражена и в учебнике для духовных семинарий по истории Русской Православной Церкви, написанном протоиереем Владиславом Цыпиным. Однако в них по теме репрессий главную роль играли материалы о трагических судьбах митрополитов и архиереев. Разумеется, это было закономерно.

Продолжением работы по изучению репрессивной политики советского государства и противостоянию ей верующих стали труды 2000-х годов. В них уже гораздо больше внимания стало уделяться судьбам новомучеников из разных епархий. В основу многих публикаций ложился анализ, так называемых, «расстрельных списков». Поэтому в книгах преобладают материалы из мест массовых ссылок и расстрелов новомучеников, например, Соловков, Магадана и др.

Сбор материалов о судьбах репрессированного духовенства и верующих из епархий Центральной России был начат относительно недавно. Тамбовская епархия является одной из немногих, издавших сначала краткий «Мартиролог»[8], а потом трехтомное издание[9]«Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа». Работа по сбору биографий продолжается.

Публикации по истории русской Православной Церкви в Тамбовской области в советский период стали публиковаться на рубеже XX и XXI веков. Вопрос о политических репрессиях и их жертвах там ставился на материалах

[8]Тамбовский мартиролог(1917-1953).-Тамбов: Юлис, 2007.-271 с.:
[9]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014.

всей области. У авторов не было задачи описывать события порайонно. Рассказовский район в них упоминается редко.

Косвенная информация об обстановке в те годы есть в литературе по истории Рассказово, его знаменитых людей и святынь. Назовем, например, книгу В. Кученковой о фабрикантах Асеевых[10]. В ней упоминается осквернение в 1920-е годы часовни Крюченковых возле Иоанно-Богословского собора в Рассказово. Статьи, посвященные Тамбовским новомученикам печатались в Тамбовских епархиальных ведомостях[11]. В целом, тема о Рассказовских новомучениках недостаточно изучена.

Публикации по истории РПЦ в Тамбовской области в советский период появились на рубеже XX и XXI веков. Вопрос о политических репрессиях и их жертвах там ставился на материалах всей области. У авторов не было задачи описывать события порайонно. Факты о Рассказовском районе встречаются также в исследовании журналиста и краеведа Андрея Литовского[12].

Косвенная информация об обстановке в те годы есть в литературе по истории Рассказово, его знаменитых людей и святынь. Назовем, например книгу В. Кученковой о фабрикантах Асеевых. В ней упоминается осквернение часовни Крюченковых возле Иоанно-Богословского собора в Рассказово.

В целом, тема о Рассказовских новомучениках недостаточно изучена.

---

[10] Кученкова В. Асеевы. Тамбов: Юлис, 2004. 130 с.

[11] Сарычев А., прот. Репрессии 30-х, священник Василий Гавриилович Сазыкин // Тамбовские Епархиальные ведомости. – 2008. № 2 (14). С.34; 2009. №8(20). С.42

[12]Краткая история города Рассказово-электронные данные. - режим доступа: http://www.rasskazovo.ru/index.php, свободный. - Загл., с экрана, - просм., 2.04.16.

Глава I. Мученичество как один из путей спасения

I.1 Виды мученичества

Христианская любовь цветет среди тесноты и зноя страданий во все века бытия на земле Христовой Церкви. Мученичество за расцвет ее совершается в двух существенно единых формах: Во-первых, в форме пролития крови за веру Христову и положения жизни за ближних во имя Христово. И во-вторых, в форме бескровного мученичества. Мученичество кровавое - есть высшая в Церкви личная жертва всесожжения ради совершенного настроения любви. Бескровное мученичество уже вторичная разновидность страдания за то же безраздельное послушание Божией воле, в котором сказывается истинная любовь. Бескровный мученик неумолимо отсекает от души и тела всякое страстное движение, всякое нечистое удовольствие и услаждение самим собою. «Умереть от гонителя есть очевидное мученичество. Но переносить поношения, любить ненавидящего (и выдерживать другие подобные самоограничения) есть сокровенное мученичество... И мы без железа можем быть мучениками, если в душе храним истинное терпение».[13]

В обоих указанных случаях цель страдания и настроение, в котором страдание перетерпливается, сливают оба вида мученичества в нечто единое. И проливающие кровь, и бескровные христианские мученики одинаково страдают за развитие в себе любви к Богу и ближним до высших ступеней. Те и другие равно приходят к уничтожению личного самолюбия благодатиюБожиею и раскрывают свою свободу для любви. К концу подвига многих из них благодать Божия отверзала такую совершенную действенность в них, что они под благодатным влиянием достигали необычайного переживания близости к себе Бога.

Казалось бы, какое отношение может иметь христианское учение о мученичестве к истории нашей страны XX века? К сожалению, самое прямое.

[13] Православное общество азбука веры-электронные данные.- режим доступа: http://azbyka.ru/mucheniki, свободный. - Загл., с экрана,- просм. 20.04.16.

Это время дало России сонм новомучеников, пострадавших за веру Христову от рук государственных палачей. Прежде, чем перейти к истории жизни отдельных уроженцев Рассказовского района, вошедших в этот сонм, вспомним об первом виде христианского мученичества.

Поверхностный взгляд на муки святых Христовых страстотерпцев не дает различить в них ничего, кроме ужасной видимости истязаний, пыток, телесного увечья и непоколебимого терпения. Но попытка войти в характер мученического настроения перед физическими муками, с наступлением их и до самой кончины страдавших захватывает исследователя созерцанием чудной картины. Перед ним открывается поразительное зрелище переливов мученического настроения в постепенном охватывании страдальцев благодатным огнем Божественной любви[14].Перед рассмотрением страданий хотелось бы привести простой пример из жизни. Как перенесли бы мы за веру и правду то, что переносили мученики или скажем проще, как переносим мы уязвление насекомого – малую обиду, несправедливый упрек, колкое слово, не раздражаемся ли? Не готовы ли отомстить? – Как далеко это от премудрости, можно судить по тому, что раздражаться и, по движению одной ярости, чуждой ума, мстительно нападать на раздражающего, свойственно и зверям. Мужество и возвышенность духа, достойные человека и премудрости, должны оказаться в том, чтобы оскорбление малое или великое принять великодушно, оскорбившего простить и, сколько возможно, благорассуждением и доброжелательством возвести его на лучший путь. А мученики делали гораздо более того т.е., полностью подражали Господу они полюбили страдания, считая их ни во что перед страданиями вечными.

Большинство христианских страдальцев перед мучениями особенным образом и добровольно готовились к смерти за Христа. Им было присуще естественное напряжение сохранить и утвердить верность и любовь ко Господу путем предварительного углубления в себе: чистоты, смирения и

[14]Вениамин (Милов), епископ. Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви (Опыт раскрытия нравственной стороны православно-христианских догматов веры из начала любви). - Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2011. – С. 430.

доброты. Во время страдания драгоценные жемчужины этих качеств явно украшали их души. С приближением кончины многие мученики внезапно начинали ощущать в себе такой огнь благодатной любви, что приходили в неизреченный духовный восторг. Примером тут служит великомученник Пантелеимон.[15]

В целях последовательного рассмотрения за оттенками благодатных мученических переживаний остановим внимание отдельно: 1) на приготовлении мучеников к страданию, 2) на поведении их во время мучений и 3) на ощущении ими обильнейшего благодатного светоозарения перед кончиной.Готовясь к пыткам и смерти, святые мученики, как мы сказали, более всего заботились о том, чтобы умереть за Христа в состоянии: чистоты, смирения и добросердечия.

Для своего очищения от страстей и заглаживания грехов в преддверии мук они ежедневно исповедовались и причащались Святых Таин. Выражаясь словами одного святого отца, они ежедневно «пили чашу Крови Христовой, дабы и сами могли пролить кровь за Христа». При этом они строго воздерживались решительно от всех удовольствий жизни, «плотских волнений» и земных пожеланий. Хранение постничества и «омовение слезами» покаяния быстро возвышали их над пристрастиями к телу и над плотскими обязанностями супружеской любви. Все земное, как то: знатность,красота телесная, высокое образование и тому подобное — теряло для них свое обаяние. Вместо того они возвышались ко Господу сердечным желанием и «желали единого Христа», будущей жизни и Божественной любви предпочтительно пред всем (чувственно) прекрасным[16].

Смиренно сознавая свою немощь пред лицом страданий, святые мученики горячо молились об укреплении их терпения при грядущих истязаниях, испрашивали себе у всех знакомых прощения и непрестанно сокрушались сердцем о грехах. «Смиренным расположением духа» и

[15]Свт. Дмитрий митрополит Ростовский. Жития Святых: в 12 т. – Изд.Свято - Введенская Оптина Пустынь,1993. – Т. 5. С. 650.
[16] Там же. Т.6 . С. 420.

отложением ради Христа гордыни они уподоблялись Агнцу Христу, кроткому и незлобивому[17]. Сердца их в это время были исполнены величайшей доброты. Они «раздавали богатство нищим» и «хлеб голодным», посещали тюрьмы и служили там заключенным исповедникам Христовым «словом» и делом по мере возможности.

Можно с несомненностью полагать, что большинство будущих страстотерпцев проходило описанное предочистительное горнило, подчиняясь требованиям Церкви и совсем не сознавая, что чистота, смирение и милосердие как навыки, естественно выражаемые, суть нужнейшие условия богоосияния любви. Святые, безусловно, имели в виду своей подготовкой к смерти достичь лишь развития личной способности к богообщению. Между тем их говение и усилие быть смиренными и милосердными были самоопределением к любви.

Так понимают мученическое настроение и святые отцы. По их словам, готовившиеся к страдальчеству «хранили согласие в любви», так как «не соблюдший братской любви не может быть мучеником[18]... Не восхотел кто быть единодушным в Церкви, не имеет любви и Бога не имеет». Богоугодные мученики — «братья по сыноположению Духа, сочетавшиеся друг с другом в единомыслии любви». «Любовь есть печать, положенная на них Господом». Она предшествует мученичеству, поскольку мученики «любовь к себе приносят в жертву любви ко Господу»[19].

Укрепившись благодатиюБожиею в самоотвержении пред своим великим подвигом, «возжелавшие креститься в смерть Христову своею кровию» или сами приходили в языческие судилища для исповедания Христа истинным Богом, или насильно были приводимы туда стражей. После того наступал час их страданий.

---

[17] Там же с. 317

[18]Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. 2-е изд. Ч. 1: Письма. Киев, 1891.
Электронные данные.- Режим доступа http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/sokrovishhnica-duhovnoj-mudrosti/txt201.html, свободный.- Загл. С экрана.- Просм. 23.04.2016.

[19] Там же

За бесповоротный отказ отречься от Христа и поклониться идолам они [мученики] предавались многим изощренным телесным истязаниям. Первые часы мучений проходили для большинства из них чрезвычайно болезненно. Некоторых мучеников Господь испытывал тем, что подкреплял их сокровенно, а явно не являл им долгое время благодатной действенности.Но они выказывали тогда полное напряжение всех расположений своего боголюбивого настроения.

Чистота духа позволяла им при нестерпимых болях физических по-прежнему «присвояться Христу», всецело добровольно ревновать о сораспятии Ему и «приносить Ему в дар непоколебимость любви». Страдая нестерпимо, они продолжали хранить в себе неослабную душевную крепость, твердость, мужество и непреклонность помысла. Потому-то и Церковь в богослужебных тропарях усвоила им наименование честных камней, основанных и «утвержденных на камне любви ко Христу».

Кротко и смиренно настроенные, святые мученики в часы истязаний «вседушно прилеплялись к любви Христовой» молитвой. Едва двигая устами от сильной телесной боли, они тайно молились Господу, а иногда вслух читали и пели псалмы. Сознание и чувство человеческой немощи вне Бога побуждало их молитвенно повергать себя в силу Божию и вседействие благодати. Так, например, святой Лаврентий, лежа одним боком на раскаленной сковороде, сказал мучителям: «Сожжено, оборотите на другой бок», – или когда святой Иаков Персиянин, которому отсекали члены один за другим, при отсечении каждого члена произносил славословие Богу, как свойственно победителю.

В глубоком смирении пред Богом они от самоуничижения переходили к милосердованию о самих мучителях. Смиренная любовь к Богу спасала их от злобы к врагам и побуждала «ненавидеть (самую) злобу». Вот почему они благословляли своих безжалостных убийц, молились о спасении их и «закалались за Христа, как незлобивые агнцы». Например, палестинский мученик святой Павел пред лицом истязателей до минуты усечения мечом

вслух молился о приведении Богом к вере и спасению всех язычников, о прощении вины судьи, обрекшего святого на смерть, и палача, исполнявшего судебный приговор. Смирнский мученик Пионий из самого пламени костра молился за всех язычников. Когда он заключил свою предсмертную молитву возгласом «Аминь», «пламя закрыло его и задушило в нем жизнь[20]».

Отмеченные черты мученического настроения наглядно показывают, насколько горячо и твердо было обращение страдальцев к Богу в огне мук и единение с Ним. Предсмертное страдание окончательно уничтожило и выжгло в них остатки себялюбивой страстности. После того Сердцеведец Бог, проницавший в глубь мученического существа всезрящим оком Своим, соизволял на высшее откровение в них действия дарований Святого Крещения и Миропомазания. И вот внезапно в их сердцах разверзалось ощутительно для их духовного зрения сияние Божества. Под влиянием такого Богоявления они «пленялись сверхъестественным жаром любви, не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им и всегда находя, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа».

Так, святой мученик Евстратий[21] среди мук не мог удержаться от исповедания своего богозрения и восклицал: «Теперь я познал, что храм Божий есмь и Дух Божий живет во мне». По этому поводу преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Видишь ли, как... святой (Евстратий), когда начал переносить терзания в борьбе своей, тогда стал видеть умными очами души своей, что Дух Божий ощутительно обитает в нем?». «Той силы, которою (христианские мученики были и бывают) смелы в дерзновении, пламенны в желании и могут, наконец, достигать того, чего возжелали, нельзя найти в природе человека... Причиной ее нужно почесть благодать

[20]Свящ. Григорий Лапченко, «какова ревность Святых Божиих, из жития святого мученика Пиония» [Электронный ресурс] / авт.-сост.- Свящ. Григорий Лапченко режим доступа: http://www.christian-spirit.ru/v29/29.(8).html, свободный. – Загл. с экрана. – Просм. 09.04.16.

[21] Православный церковный календарь [Электронный ресурс] // Краткие жития мучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста //.- Электронные данные.- Режим доступа: http://azbyka.ru/days/sv-evstratij-sevastijskij, свободный. – Загл. с экрана .- Просм.3.05.16

Крещения — огнь... любви к Богу». «Сам возлюбленный (мучениками Христос), Который творит, извергая их сердца плотяные... когда любовь, подобно огню, вдыхает в них от уст Своих. О, неизреченная сила Христова! И для естественного разума, какую сообразность представляет то, чтобы раны и бесчестие рождали любовь?».[22]

Мученическое горение огнем благодатной любви с точки зрения духовного разума можно назвать проникновением в Христову любовь и обретением Христа в сердце по дару Таинств Крещения и Миропомазания. Некоторые мученики, ощутив в себе сияние Христово, определяли свое переживание следующими признаниями.

Под защитою руки Христовой «не боюсь мучений и даже не страдаю... Помогающая мне благодать Христа моего... облегчает мои страдания... Откуда мне, отверженному, столь великая благодать! Вот, я уже как бы на небе! Да прославится, Владыко Христе, имя Твое в теле моем!». «Я созерцаю сладость обещанного мне Христом покоя и не ощущаю мучений». «Чем больше строгают тело мое, тем больше насыщают душу... Мне помогает Христос. Я укрепляем Его благодатию»[23].

Составители богослужения Православной Церкви тонко подметили описанное выше святыми отцами мученическое разжжение огнем Божественной любви. Согласно их выражениям, святые мученики венчались Троической силой в «прохлаждающем огне Божественного Духа». Этот огнь «наполнял страдальцев вечной славой» и Божественной светлостью. Воссиявая в сердцах мученических и расширяя их, он орошал святых любовию к Жениху. Во свете огня Духа «Христос приклонял в них главу» и чрез Духа Святого «воспламенял (их) углями Своей любви»[24].

Потому-то о мученическом сословии справедливо всегда вместе с Церковью повторять хвалебные песни и молитвы, наподобие

---

[22]Православный церковный календарь [Электронный ресурс] // Краткие жития мучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста //.- Электронные данные.- Режим доступа: http://azbyka.ru/days/sv-evstratij-sevastijskij, свободный. – Загл. с экрана.- Просм.5.05.16

[23] Там же. – Просм. 5.05.16

[24] Там же. – Просм. 5.05.16

следующих:«Пламенная любовь к Тебе, Христе, окрылила воинства мучеников». «Всеми хвалимые мученики! Вы, движимые преимущественно любовию к Богу, как бы в чужих телах» страдали, «забыв естество». «Господи! Твои мученики любовию к Твоему Кресту душевно соединились» друг с другом.

Огненная любовь к Богу во Христе, питая страстотерпцев, хранила их от злобы против мучителей. Она побуждала их забывать «о ранимом теле и осуждении на смерть» и превращала для них «хождение по горячим углям» в шествие по росе. Ею уязвляемые, они терпели «язвы и болезни от огня», тягость лютых мучений. Иные из них «обесчувствовались к (ощущению) телесных поранений и болезней» и чрез то сберегали в себе неокраденный дух и огненные крылья к небу.

Развернутая нами картина кровавого страдальчества в Церкви дает основание к такому общему выводу: «Сила мучеников — любовь» в ее известных нам качествах. Она-то и составляла собою источник обрадования, подкрепления и мужества для святых страстотерпцев. Наравне с первыми последователями страданий за Христа выступали новомученики и исповедники Российские в XX веке.

Если мы заглянем в православный календарь, в котором перечислено, память каких угодников Божиих в тот или иной день в Церкви совершается, то увидим, что там практически каждодневно совершается память, как первых мучеников, так и новомучеников, причем наравне. И поэтому мученичество, безусловно, нельзя считать лишь явлением глубокой древности, не имеющим никакого отношения к нашей сегодняшней жизни. Теперь перейдем чуть ближе к рассмотрению жизни Рассказовских страстотерпцев, но сначала приведем краткий обзор по печально известным местам, где целые сонмы новомучеников, где не только духовенство, но и миряне приняли венец мученичества. Годы гонений на православную веру начались с декрета о церкви и священнослужителях. Трагичность событий, которые происходили в эти первые месяцы, поистине ужасающиеся не

поддающиеся описанию без содрогания. По сути дела большинства документов не сохранилось, кроме архива ФСБ и пересказов немногочисленных современников тех событии. В сельской местности мы вообще не найдем документов о тех или иных пострадавших за веру пастырях, а про служителей храма найти информацию практически невозможно.

В 2009 году житель села Нижнеспасское Рассказовского района Алексей Воробьев пересказал воспоминания его деда – старожила этого села[25].Он говорил, что в 1920-е годы коммунистически активно настроенные молодые люди забирали ночью церковнослужителей, вывозили за околицу и, всячески избивая, насмехаясь над ними, издевались даже и до смерти. Если о священниках было где-то записано, то о простых пономарях и певчих ничего не было, а память человеческая как говорилось выше, коротка и непрочна. Места их захоронений в нашем районе неизвестны.

Общероссийским символом погоста, принявшего в 1930-е годы тела многочисленных мучеников за веру, стал Бутовский полигон под Москвой, названный Святейшим Патриархом Алексием Русской Голгофой[26]. «В годы сталинских репрессий УНКВД по всей стране стали выделятьспециальные «зоны» - территории, предназначенные для будущих массовых захоронений. Для отвода глаз они маскировались под армейские стрелковые полигоны. В Московской области было два места, где производились массовые расстрелы - спецобъекты НКВД «Бутово» и «Коммунарка»[27]. По данным ФСБ, в Москве в 1937-1941 годах было расстреляно более 32 тысяч так называемых «врагов народа». В Москве одновременно действовали две структуры НКВД - Управление НКВД СССР по Москве и Московской области и Центральный аппаратНКВД СССР. Соответственно и «зон» было открыто две, поблизости

[25] Записано автором со слов Алексея Воробьева

[26] Бутовский полигон. Русская Голгофа. Храм Святых новомучеников и исповедников Российских. Москва: ЗАО ТДДС - Столица, 2014. - 65 с.

[27] Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014.,-т.1 с.669

друг отдруга: одна, подведомственная Московскому управлению НКВД, - в поселке Бутово, другая, находившаяся в ведении Центрального аппарата НКВД, - в «Коммунарке». Последняя «зона» возникла, по-видимому, несколько позже «Бутовского полигона» - не раньше конца августа 1937 года. В Бутовский синодик, то есть в список людей, которые погибли здесь за исповедание православной веры, включено 940 имен. Даже на Соловках их было меньше. К настоящему времени 322 человека из них причислены клику святых. На канонической территории Русской Православной Церквинет больше места, где почивали бы мощи такого количества святых. Первыми пострадавшими в Бутове за веру Христову были священники, расстрелянные 20 августа 1937 года. Больше всего священнослужителей было казнено осенью 1937 и зимой 1937-1938 годов. 21 октября 1937 года были расстреляны 48 священнослужителей и мирян, 10 декабря того же года, в день празднования иконы Божией Матери «Знамение», мученическую кончину приняли 49 священнослужителей во главе с архиепископом Владимирским Николаем (Добронравовым) и последним наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Кронидом (Любимовым). По воспоминаниям бывшего коменданта административно-хозяйственного отдела московского управления НКВД капитана А. Садовского[28], который отвечал за приведение в исполнение приговоров на Бутовском полигоне, людей расстреливали преимущественно ночью. Всего с августа 1937 года по октябрь 1938 года здесь было расстреляно 20761 человек. А общее количество людей, погибших здесь, узнать вряд ли удастся»[29], потому как доподлинно неизвестно точное число расстрелянного и замученного православного духовенства и мирян в лагерях, таких как ГУЛАГ, СЛОН и др. По относительно недавно полученной информации на территории города Рассказово находится захоронение, которое датируется 1920-1929 годами[30]. В

[28] Бутовский полигон. Русская Голгофа. Храм Святых новомучеников и исповедников Российских. Москва: ЗАО ТДДС - Столица, 2014. – С.12.
[29]Прот. А. Сарычев «Репрессии 30-х» // Тамбовские епархиальные ведомости. 2009. №4.-С.42.
[30] По видеоматериалу Тв-Рассказово от 2010 года

настоящее время там расположена улица Братская. Нам удалось выяснить, что там покоятся не только останки красноармейцев (в честь кого там и стоит памятник, для изготовления которого использовали перетесанное надгробие с оскверненного кладбища), но также там погребены участники антоновского восстания. Но самое важное, что там есть даже те, кто не выступал против красноармейцев с оружием в руках, а занимался мирными делами. В том числе могли быть священнослужители рассказовских храмов[31].

Мы с вами сейчас переживаем период относительного покоя: никто нас не гонит, не мучает, не разрушает наших храмов, и более того: быть христианином в современной России отнюдь не считается зазорным. Порой наши жизненные принципы могут вызывать непонимание у нецерковных близких или у коллег по работе, но тем не менее, крестик на шее уже давно не является той печатью отверженности, какой он был в течение долгого времени, на протяжении большей части прошедшего столетия: тогда перед человеком верующим закрывались зачастую практически все двери; сегодня же люди, исповедующие себя христианами, могут беспрепятственно получать образование, работать и о своих религиозных убеждениях высказываться. Мы привыкаем к этому относительно спокойному существованию, и нам начинает казаться, что это нормально – жить и никем не быть притесняемыми. А вместе с тем можно оказаться не готовым к испытаниям, если не иметь постоянно в виду, что гонения на Церковь – это не только то, что когда-то было, не только то, что когда-нибудь еще может быть, но и, скорее всего, то, что быть даже должно в той или иной степени, в той или иной форме. И в принципе к мученичеству, так или иначе, нужно готовиться каждому из нас, притом, что оно не обязательно будет заключаться в претерпевании пыток и насильственной смерти. Нужно быть готовым к любой ситуации выбора, в которой сохранить верность Христу будет означать для нас каким-то образом пострадать.

[31]По видеоматериалу Тв-Рассказово от 2010 года

Вот также будет и в жизни каждого из нас встреча с Господом, и мы знаем, что эта встреча может произойти где угодно. Это может быть и одр болезни, и соприкосновение с каким-то человеком, и какое-то искушение и испытание, и какая-то радость, хотя это и гораздо реже. Но, когда мы говорим о месте, в котором человек наиболее близок к Богу, это уже не любое место. Место, на котором человек ближе всего к Богу, – это крест. Тот самый крест, который Господь каждому из нас посылает, и который мы можем либо отвергать, либо с любовью и благодарностью принимать и нести. Господь сказал уча, апостолов « И будете ненавидимы всеми за имя Мое, претерпевший до конца спасется»(Мф.10.22). И поэтому, когда приходится нам что-то потерпеть, пострадать – я уж не говорю за свою веру, а вообще в принципе, то ни в коем случае не надо тяготиться этим, от этого унывать, скорбеть и роптать. Надо знать: это то, что нам посылает Господь как возможность к Нему приблизиться.

I.2.Богословское значение мученичества

Когда человек, верующий во Христа, живет среди отрицательных примеров, сильных соблазнов и постоянных искушений, это тоже своего рода мученичество. Когда человек терпит поношения и нападки со стороны своего неверующего начальника, это тоже в какой-то степени мученичество. Когда человек с благодарностью Богу смиряется с неизбежными испытаниями, и это в некоторой мере мученичество, хотя и малое, и несовершенное. Бывает так, что в какой-то момент перед самым обыкновенным христианином встает принципиальный выбор: угодить Богу или себе, другим? – и этот выбор обнаруживает все, что созревало до этого времени в его душе. Мучеником за Христа может стать человек, который непосредственно до своего страдания не прославился ни добродетельной жизнью, ни какими-то христианскими

подвигами, а может, даже, наоборот, вызывал осуждение у окружающих, как, например, святой мученик Вонифатий[32]. Вы знаете, что он был и грешником, и блудником, и, как сказали бы сегодня, алкозависимым, но вот он отправился по велению своей госпожи в некий город, где происходили гонения на христиан, и совершенно неожиданно, став свидетелем мученичества, исповедал, что он тоже христианин. Христианином он был, конечно, очень и очень плохим и, однако, не усомнился пострадать за Христа и претерпел ту смерть, которая его прославила.

Безусловно, когда мы задумываемся о мученичестве, нам всегда бывает страшно об этом помышлять. И вот об этом моменте мне хотелось бы поговорить подробнее. Поговорить на примере жития святой мученицы Перпетуи[33]. Это житие дошло до нас в достаточно подробном изложении, потому что святая Перпетуя была знатной римлянкой, жительницей Карфагена, а граждан Римской империи, прежде чем предать смерти, судили, доказывая, их вину и документально протоколировали процесс. Отец этой мученицы был убежденным язычником и, когда его дочь попала в темницу, всячески увещевал ее оставить свою веру и сохранить жизнь хотя бы ради ребенка, которого она родила незадолго до ареста, однако уговорить ее ему не удалось. Но еще замечательнее здесь пример ее служанки Фелицитаты, которая оказалась в заточении вместе со своей госпожой и еще несколькими молодыми людьми. Фелицитата была беременна, и ей по закону должны были сохранить жизнь до того момента, пока не родится ребенок, и только тогда предоставить возможность решать, пострадать ли за Христа или отречься от веры и остаться жить со своим новорожденным младенцем. Она очень из-за этого переживала, поскольку понимала, что страдать одной, наедине со своими мучителями, гораздо труднее, чем в присутствии духовно близких людей, и молилась о том, чтобы Господь помог ей не разлучаться с сонмом тех святых мучеников, который уже был предуготован к смерти. Так

[32]Свт. Дмитрий митрополит Ростовский. Жития Святых: в 12 т. – изд. – Свято - Введенская Оптина Пустынь,1993. –Т. 5 С. 650.
[33] Там же. Т. 2. С. 230.

и произошло: она родила ребенка раньше срока; роды были очень мучительными, и римские солдаты, слыша ее стоны, говорили ей: «Какая же ты неразумная! Сейчас ты всего-навсего рожаешь ребенка, то есть исполняешь то, что исполняет каждая женщина, и не можешь сдержать своих криков и плача. А что же с тобой будет, когда придет пора умирать на арене?». И она дала им поразительный по своей ясности ответ. Она сказала: «Сейчас страдаю я, поэтому я кричу, а когда меня будут убивать за Христа, то за меня будет страдать Тот, ради Кого я пойду на мучения». Вот в этом содержится объяснение того, каким образом мученики могли претерпевать самые страшные пытки и нечеловеческую боль: вместе с ними, а порой даже и вместо них, страдал Тот, за Кого они шли на смерть, и Он Своей благодатью делал для них эту боль или посильной, или даже неощутимой[34]. От них зависело произволение – решиться на это страдание, а Господь давал им силы, чтобы они могли это страдание претерпеть или, как я сказал, порою даже не почувствовать его.

Подобные примеры можно найти и в наше время: один русский солдат во время чеченской войны был фактически распят захватившими его боевиками – прикручен проволокой и прибит гвоздями; он фактически уже умирал на этом самодельном кресте, и, когда его с него снимали, говорил солдатам, его освобождавшим, что ему очень хорошо – так хорошо, как не было никогда в жизни. Тогда же он и скончался от полученных ранений и от заражения крови[35].

Поэтому, когда нас что-то страшит в тех испытаниях, которым мы можем подвергнуться за веру, нужно вспоминать о том, что если мы решаемся на эти испытания ради Христа, то Господь обязательно нам поможет и обязательно нас укрепит. И страдать действительно невыносимо мы будем только в том случае, если окажемся малодушными. Человек

[34] Свт. Дмитрий митрополит Ростовский. Жития Святых: в 12 т. – изд. – Свято - Введенская Оптина Пустынь,1993. – Т.7. С.650.
[35] Антон Маньшин Рассказы о Чеченской войне/ Виталий Носков, Антон Маньшин. – Ковчег,2007. – С.133

малодушный этой помощи и этой милости Божией лишается, поскольку у него недостает веры, которая является путем к стяжанию благодати.

И еще один важный момент, связанный с мученичеством. Вы уже знаете, что на греческом языке люди, пострадавшие за Христа, именуются свидетелями, потому что смерть за Христа является в первую очередь свидетельством о Христе. Человек свидетельствует о том, что пребывание с Богом для него важнее жизни, и это высшая форма проповеди о вочеловечившемся и претерпевшем за нас страдания Спасителе[36]. Нам как-то редко приходит в голову, что для тех людей, которые знают, что мы христиане, наша жизнь тоже является свидетельством: либо свидетельством за Христа, либо свидетельством против Христа. Если люди видят в нас добрую христианскую жизнь, которая проявляется в нашей любви, милосердии, сострадательности, в готовности прийти на помощь, в нашем смирении, то это все говорит им о том, каков наш Господь. Если же люди видят в нас что угодно, но только не христианские добродетели, конечно же, для них мы становимся свидетелями против христианства и таким образом их от Церкви и от Бога отталкиваем.

Вообще, когда нам случается говорить с людьми нецерковными и даже враждебными по отношению к Церкви, мы часто теряемся в поисках аргументации. Мы достаточно мало знаем о своей вере – меньше, чем должны были бы, наверное, знать. Но есть один довод, который нужно знать и помнить обязательно: он заключается в том, что можно рационально объяснить распространение по миру практически любой религии, кроме христианства[37]. Крошечное собрание учеников Христовых начинает разрастаться и распространяться по всей Римской империи, притом, что христиан гонят и убивают. По логике вещей этого просто не могло быть в силу двух естественных причин: во-первых, потому, что при таком масштабе казней число последователей Христа физически должно было сойти на нет, а

[36] Прот. Олег Давыденков Догматическое богословие [Текст]: учебное пособие/прот. Олег Давыденков; Православ. Св.- Тихон. Гуманитарный институт. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 623.
[37] Там же. С. 221.

во-вторых, потому, что люди просто из чувства самосохранения не должны были принимать веру, которая не сулит им никаких земных благ и за которую их убьют. Однако произошло то, что противоречит здравому смыслу в обычном представлении о здравом смысле: чем больше христиан убивали, тем больше их становилось. Кровь мучеников – это семя Церкви, как сказал в свое время Тертуллиан, и там, где больше всего проливалось мученической крови, больше всего появлялось тех, кто был готов так же пострадать. Почему так? Потому, что в жизни мучеников люди видели правду – ту правду, которой днем с огнем в окружающей нас жизни не сыщешь. И видели, что когда мученики Христовы умирали, смерть становилась для них моментом радости и моментом торжества. Та же мученица Перпетуя[38], когда на нее была выпущена дикая бешеная корова, которая истоптала и изломала ее своими ногами, придя на некоторое время в себя, попыталась, прежде всего, привести в порядок свою одежду, и собрать распущенные волосы, потому что неприбранность волос в древнем мире считались неким признаком скорби, а она хотела, чтобы все понимали, как она радуется тому, что через мученическую кончину соединяется со Христом. А скажем, священномученик Игнатий Богоносец по пути в Рим[39], где он должен был принять мученическую смерть, писал общине римских христиан, чтобы они ни в коем случае не пытались его выкупить, не пытались его похитить, не пытались и каким-то иным образом изменить его участь и воспрепятствовать страданиям за Христа. Апостол Павел также писал о том, что имеет желание разрешиться и быть со Христом (Фил. 1:23), потому что он не находил в себе ничего, что любило бы этот мир, а любовь ко Христу, которая одна лишь была в его сердце, влекла его скорее с Ним соединиться.

---

[38]Свт. Дмитрий митрополит Ростовский. Жития Святых: в 12 т. – изд. – Свято - Введенская Оптина Пустынь,1993. – Т.2. С.650

[39]Страдания Священномученика Игнатия Богоносца: [Электронный ресурс]: // В изложении Свт. Дмитрия Ростовского. – Электронные данные. – Режим доступа: http://idrp.ru/zhitiya-svyatih-lib1537/, свободный. – Просм. 20. 04. 16.

Размышляя о мученичестве с богословской точки зрения, мы можем понять его подлинное значение для христианской веры и жизни. Говоря вкратце, можно подчеркнуть несколько особенно важных моментов такого размышления:

Мученический подвиг обращен ко Христу: Мученик соотносит всю свою жизнь со Христом, Которого рассматривает как Путь, Истину и Жизнь. Иисус Христос ставится для него центром истории - не только истории человечества, но и его собственной, личной истории. Христос для мученика центр всего мироздания и мера всех вещей и событий. Подлинную значимость жизнь человека обретает только в свете личности Иисуса Христа. Поэтому мученик осознает себя призванным следовать за Ним и подражать Ему во всем, включая и Его мученическую смерть на Кресте. Смерть мученика, благодаря ее устремленности ко Христу, становится, таким образом, знамением подлинной Жизни, а сам мученик входит в отношения глубочайшего единения и союза со Христом. (Момент мученичества иногда даже уподобляют моменту бракосочетания между душой мученика и ее Господом).[40]

Мученический подвиг обращен к торжеству Царства Небесного: В смерти мученика осуществляется конечное торжество Царства Божьего, к которому была устремлена его жизнь. Мученичество ставит нас необходимостью заново осознать значение, смысл и конечную цель человеческой жизни и истории человечества. Мученическая смерть - это торжество царства благодати и жизни, Царства Божьего над царством греха и смерти, силами тьмы, действующими в преходящей реальности. Это событие, указывающее на то, что без присутствия Христа реальность не имела бы смысла и ценности.

Мученический подвиг обращен к Церкви: Мученик умирает в Церкви и в вере Церкви. Он умирает не за убеждения или взгляды, а за Личность

[40]Прот. Олег Давыденков Догматическое богословие [Текст]: учебное пособие/прот. Олег Давыденков; Православ. Св.- Тихон. Гуманитарный институт. – Москва: Изд-во ПСТГУ,2013,- 623с.

Христа, объемлющую всю полноту Истины. Поэтому смерть мученика немыслима вне Тела Христова, которым является Церковь. Умирая в вере Церкви, мученик рождается в новую жизнь и причисляется к Церкви Торжествующей, оставаясь причастным к жизни своей христианской общины, ходатайствуя о ней и укрепляя ее веру.

Наконец, мученический подвиг обращен и к миру: Мученичество всегда является публичным свидетельством о Христе и Его истине перед лицом мира и перед лицом гонителей. Поэтому в своем подвиге мученик уподобляется Христу, пришедшему в мир, чтобы мир познал Отца. Принимая смерть за Христа, мученик возвещает о Нем всему миру. В каждом мученике за веру есть частица Духа Христова, частица Христовой судьбы. Их тяжелый крестный путь, страдания и муки стали нашим спасением. И именно благодаряим, тем светлым и мужественным Христовым воинам Церковь наша окрепла и выстояла, а впоследствии - возродилась и вернулась в еще большей своей славе и величии[41].

И даже теперь, пребывая с Господом где-то в ином, абсолютно совершенном мире вечного покоя, они остаются для нас тем ярким светочем, указывающим путь к Богу, нашими ходатаями перед Ним, нашим духовным спасением.

Так как все они, как и Он, Богочеловек, избрали тернистый путь к свету, обрекли себя на терпения, страдания, на смерть ради спасения своего народа, ради правды, ради святой истины. Эти обычные, скромные служители Церкви были людьми великой веры, крепкого духа, который ничто не могло сломить. Вся их жизнь была примером настоящей верности Господу, Его Святой Церкви и Его народу.

Казалось, еще не так давно с точки зрения самого времени имена многих мучеников за веру канули в забвение. О них официально не вспоминали, однако многие свидетели тех времен хранили память, считали себя их

[41] Патриарх Кирилл. Проповеди в храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]: [проповедь] // Слово в память Новомучеников и Исповедников Российских. – Москва, 2014. – Электронные данные. – Режим доступа:http://www.patriarchia.ru/, свободный. – Просм. 12. 02. 16.

учениками, духовными последователями, беря пример с их церковных деяний и духовных убеждений. Ведь святую правду уничтожить невозможно[42].

Подводя итог этому краткому обозрению богословского смысла мученичества, отметим, что отказ мученика «приносить жертвы» идолам богоборческого государства, внимать лжепророкам, возвещавшим о рае земном делает его как бы обновленным. Как железо в огне, так и муками страдалец только больше крепнет в любви к Богу. Мученик осознает, что настала полнота времен во Христе, которая всему придает смысл и все освобождает. Поэтому мученик - истинно свободный человек и единственный истинный мученик свободы. В своем «непредсказуемом упорстве» он показывает, что хочет пребывать в новой истории, родившейся из пронзенного ребра Христова, откуда «излился смысл времени». Он заявляет о своем желании жить, а не оставаться трупом на обочине истинной Церкви. Он вошел во Христа. И это дало ему жизнь вечную.

I.3 Процесс прославления мученика

В Православной Церкви прославление человека среди святых - сложный процесс, имеющий много составляющих. Цель всех существующих норм канонического права - дать Церкви возможность удостовериться в подлинности святости предлагаемого для прославления кандидата или в реальности его мученической кончины. Ведь Церковь призвана, прославляя своего сына или свою дочь, дать всем верным проверенный и надежный пример веры и образец для подражания, авторитетно подтвердить, что этот человек - действительно святой, а смерть мученика действительно была подлинным свидетельством его веры во Христа и христианской любви[43].

---

[42] Патриарх Кирилл. Проповеди в храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]: [проповедь] // Слово в память Новомучеников и Исповедников Российских. – Москва, 2014. – Электронные данные. – Режим доступа:http://www.patriarchia.ru/, свободный. – Просм. 12. 02. 16.
[43] Канонизация святых в XX веке. Москва,1999. С. 24

Для начала процесса прославления кандидата также необходимо, чтобы среди верующих существовало мнение о том, что он действительно мученик и ему воздавалось частное почитание. Публичное почитание - такое, как изображение кандидата с атрибутами святости, выставление его изображения в храмах вместе с изображениями святых, обращение молитв к нему во время официальных богослужений Церкви и т.п. - недопустимо и запрещено законами Церкви. Но вполне допустимо - и для прославления необходимо - частное почитание: благоговейное сохранение фотографий и изображений предполагаемого мученика, принадлежавших ему вещей, частные молитвенные обращения к нему со стороны верующих - вполне допустимо такое обращение даже со стороны группы верующих, скажем, членов общины или объединения мирян, если только оно происходит не во время литургических богослужений. Могут издаваться публикации и статьи о кандидате, причем авторы могут там выражать свое личное убеждение в его святости.[44]

Для начала процесса с момента смерти кандидата должно пройти по меньшей мере 5 лет. Обычно процесс начинает инициатор - это может быть отдельный верующий, община, приход и т.п. В случае с процессом российских «новомучеников», инициаторами выступили различные группы верующих, одобривших программу его подготовки; собирались все необходимые для его начала материалы - сведения о жизни кандидата, документы о его мученической смерти и свидетельства о нем, подтверждения существования мнения о его мученичестве и его частного почитания, его рукописи и печатные работы. Собираются и сведения о чудесах, которые приписывают ходатайству кандидата, если они имели место. Готовится биография кандидата.[45]

Собранные материалы представляются епископу, имеющему право начать процесс канонизации кандидата. Обычно это епископ той епархии, на

[44] Канонизация святых в XX веке. Москва,1999. С. 28.
[45] Там же. С. 29.

которой кандидат был захоронен. Епископ запрашивает синодальную Комиссию о том, нет ли у нее возражений против начала процесса. Когда разрешение Церковных Властей получено, создается епархиальный Совет, который рассматривает всю собранную документацию и опрашивает свидетелей, вынося первое суждение о кандидате в святые.

В истории Церкви имело место длительное развитие правовых норм, относящихся к канонизации святых и регулирующих публичный культ, воздаваемый им.

С давнего времени, каноническое право дает традиционное определение элементам, необходимым для того, чтобы можно говорить о человеке как о мученике. Опишем некоторые из условий, необходимых для этого.

В отношении кандидата должны иметь место гонения или преследования за веру. Эти преследования могут осуществляться как отдельными людьми, так и их группами или обществами. Чтобы можно говорить о гонениях, должно быть доказано, что «гонители» действительно преследовали человека из-за того, что питали ненависть к Богу, Церкви, христианской вере, или какой-либо из ее существенных и неустранимых частей (например, считали преступлением осуществление какой-нибудь христианской обязанности, заповеди Божьей, законов и предписаний Церкви). В случае гонений за веру со стороны советских властей такие мотивы, несомненно, существовали, что имеет огромное количество подтверждений[46].

Должен быть доказан факт действительной физической смерти мученика. Чтобы можно было говорить о мученичестве, должно быть подтверждено, что эта смерть наступила как непосредственный результат гонений (расстрел, смерть от побоев, смерть в тюрьме или ссылке) или как их непосредственное следствие (смерть, наступившая вследствие тяжелого ущерба, причиненного здоровью человека и тюрьме, лагере, на спецпоселениях и т.п.).

[46]Канонизация святых в XX веке. - С. 34

Решения епархиального Совета и необходимые документы затем передаются в Комиссию по канонизации святых, где продолжается исследование собранных материалов о кандидате, имеющее несколько этапов. В случае прославления мучеников не требуется, чтобы обязательно имели место приписанные заступничеству кандидата чудеса. Поэтому вскоре после такого утверждения уже может произойти канонизация кандидата, или его причисление к лику святых Православной Церкви.

Предлагаются кандидаты, собираются документы о них, ищутся свидетели. Как и на других стадиях, в это время очень важна помощь добровольцев, которые с разных сторон подходили бы к этому делу.

Некоторые люди и приходы могут содействовать распространению частного почитания того или иного кандидата. Могут издаваться посвященные кандидатам статьи и публикации, им могут возноситься частные молитвы, распространяться их фотографии или портреты (но без ореола святости). Вне богослужебной части храма можно повесить фотографию какого-либо кандидата, и оказывать ей почтение. К примеру, приносить к ней цветы. Когда известно место захоронения кандидата, туда можно приходить для того, чтобы почтить его память или помолиться ему.Возможно, даже организовывать паломничества на такую могилу, но только частным порядком и не от имени Церкви.[47].

Итак, каждый православный может и, возможно, должен оказывать делу прославления новомучеников российских молитвенную помощь, молясь о тех, кто работает для достижения этой цели и о самом прославлении. Из растрелянных священников-уроженцев Рассказовского района канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом уроженец села Саюкино протоиерей Михаил Петрович Алабовский. Прежде всего, важно понимать, что прославление новомучеников очень важно для нашей возрождающейся Церкви. Их свидетельство необходимо для укрепления

[47]Канонизация святых в XX веке. - С. 38

нашей веры. И хотелось бы, чтобы дело их прославления стало делом всей Русской Православной Церкви и каждого из ее верных чад.

Чем больше давление на православную веру, тем сильнее и крепче она становится в народе. Из официальных документов мы видим, что власть ни с чем не считалась в своих зверствах против жителей СССР в целом и Рассказовского района в частности. Люди еще не разучились понимать где, истина, а где пропаганда лжи и предательства.

Много безвестной крови пролилось за веру православную простыми людьми, не все знают судьбы людей сотнями ссылавшихся на север и в Сибирь. Многие из них не возвращались в родные места. Они просто выбрали тот тернистый путь, который очистил их от всех грехов их и поселил в том Небесном Царстве где не будет уже смерти, а жизнь в радости и прославлении Господа, к Которому они так стремились как первые мученики претерпевая все: лишь бы не отречься ни прямо и ни косвенно, а всей чистой душой принять венец страдальцев за веру.

Глава II. Репрессии за веру в отношении уроженцев Рассказовского района и служившего там духовенства

II.1. История репрессивной политики советского государства в отношении церкви и ее отклик на Рассказовской земле.

Большевики, захватившие власть в России осенью 1917 года, были носителями идей воинствующего атеизма. Поэтому, 11 декабря 1917 года большевистское правительство, называвшееся Совет народных комиссаров, издало декрет о передаче всех церковных учебных заведений в ведение Наркомата просвещения[48], а 23 января (5 февраля) 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»[49]. Последний первоначально назывался «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и заложил основы будущего совершенно бесправного положения Церкви. По мысли авторов запрещение религиозным обществам прав юридического лица и национализация всего церковного имущества должно было приблизить полное отмирание религии в новом обществе. Декрет не предусматривал никакого переходного периода. В церковных кругах возникли опасения, что нормальная жизнь приходов, монастырей и духовных школ станет невозможна. Поэтому во многих городах прошли крестные ходы с молитвами о спасении Церкви[50]. В Воронеже, Тамбове, Шацке и Самаре 26 января 1918 года такие крестные ходы были расстреляны[51]. Пролилась первая кровь верующих, имена которых власти не зафиксировали.

Во время гражданской войны духовенство оказалось виновато перед Красной Армией просто фактом своего существования. Ни суда, ни приговора для издевательств над священством и даже убийства красным не требовалось. О многих фактах гибели людей за веру в 1918-1920-х годах документов просто нет, так как их не составляли. В Тамбовской губернии

[48]Русская Православная Церковь. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 91.
[49]Там же. С.95.
[50]Цыпин Владислав, протоиерей. История русской Православной церкви. 1917-1990. М.: Изд. Дом Хроника, 1994. – С.30.
[51]Русская Православная Церковь. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 97..

события гражданской войны имели трагическое завершение массовой крестьянской войной против большевиков. При подавлении, так называемой, «Антоновщины» духовенство обычно обвинялось в солидарности с повстанцами и даже в участии в их в боевых действиях. Факт совершения богослужений в церкви в дни, когда село не контролировали красные, был достаточен для расстрела священника. Расстрелы вершились по решению командиров воинских частей без суда и следствия. Так как очень долго власть называла участников повстанческого движения бандитами, то ни о какой документальной фиксации таких казней не было и речи. Попытки историков в последнее двадцатилетие XX века записать воспоминания старожилов оказались малоудачны. Взрослых очевидцев событий уже не было в живых. Те, кто тогда был детьми, нередко могли рассказать о факте казни и даже показать ее место, но толком не знали имен жертв.

Сохранился документ от 3 сентября 1921 года, о проведении в Рассказовской волости действий по приказу № 130 Тухачевского от 12 мая 1921 года. Они включали занятие территории войсками, уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей, взятие заложников (поодиночке и целыми семьями), создание концентрационных лагерей и репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, за укрывательство «бандитов» и оружия. Нередко священники оказывались заложниками по этому приказу. Но в сохранившемся документе нет никаких подробностей и имен[52]. Жертвами этого приказа зачастую были простые прихожане, которых нещадно обворовывали, а за сопротивление объявляли бандитами и расстреливали на месте, а начальству говорили, что поймали укрывшегося антоновца. Свидетелей тех событий уже нет, но и при своей жизни они до конца молчали о произошедшем.

[52]Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 -1921 гг. «Антоновщина». Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. С. 258

6 февраля 1922 года было образовано шестое, так называемое «антицерковное» отделение Секретного отдела ГПУ[53], а 23 февраля был обнародован декрет об изъятии церковных ценностей. Он отстранил Церковь от уже организованного ею сбора пожертвований для голодающих и запретил замену драгоценных предметов, имеющих богослужебное значение, равноценным количеством золота и серебра[54]. Так как верующие воспротивились реализации этого декрета, ГПУ разработало планы против священноначалия и стало репрессировать духовенство на местах. Шло массовое закрытие монастырей, которые под названием трудовых коммун уцелели до этого времени. В 1925 году был создан «Союз воинствующих безбожников» в Рассказове, теперь городе, который в 1926 году из села переименовали в город. По тактическим соображениям большевики не смели открыто нападать на Православную Церковь; нельзя же в говорить в глаза человеку плохое о его матери, а именно матерью и никем иным церковь была для русских на протяжении многих веков. Тогда ленинские идеологи нашли «козла отпущения». Зная нелицеприятное отношение православных рассказовцев к ересеучителям, органы развернули жесткую компанию по преследованию сектантов. Но это было только прикрытием. Под сектантами они подразумевали всех христиан и основной целью их борьбы с «ересью» было все-таки уничтожение нашей церкви.

На страницах «Известий Тамбовского губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских Депутатов» в 1921-23 годах развернулась настоящая хорошо продуманная антирелигиозная компания. Здесь публикуются, вроде бы отвлеченные заметки о вреде религии в целом и одновременно, как бы вскользь, сообщается о том, как «попы выдают бандитов». А ведь на Тамбовщине в это время идет крестьянское восстание Антонова, направленное против террора большевиков.

---

[53]Русская Православная Церковь. XX век. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 144..
[54]Русская Православная Церковь. XX век. - С. 145.

Более массовой была волна репрессий во время коллективизации. В начале 1929 года за подписью Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Это фактически означало приказ репрессировать духовенство. 8 марта 1929 года ВЦИК и СНК издали новое постановление «О религиозных объединениях»[55]. Этим постановлением священнослужители исключались из состава «двадцаток», религиозным объединениям запрещалось заниматься благотворительностью, обучать детей религии разрешалось только их родителям. В храмах разрешалось иметь только сугубо богослужебные книги. Вся литература для православного просвещения должна была быть сожжена. Даже воскресенье перестало быть выходным днем, т.к. вводилась пятидневная рабочая неделя. Началось массовое закрытие церквей. В стране в целом в 1928 году были закрыты 534 церкви, а в 1929 – 1119[56] .

Не обошло это и Рассказово. Сначала Иоанно-Богословский храм закрыли, сбросив колокол и осквернив часовню, а потом нанесли удар больнее. Вновь открыв храм, разрешили служить в нем только обновленцам. Не лучшая судьба сложилась и у остальных церквей в городе. В селе Малая Богословка церковь во имя святой Троицы была закрыта и отдана на столярную мастерскую. В другой части нынешнего Рассказово, а именно в теперешнем микрорайоне Арженка стояла Покровская церковь, которую сначала также использовали под зернохранилище, а когда было построено другое зернохранилище взорвали. И не просто взорвали, а так что кирпичи находили в 150 метрах от нее. Их собирали и отправляли на строительство пожарной части. Судьба церкви великомученицы Екатерины, так называемой сиротской церкви была «полегче». Ее просто закрыли, в дальнейшем используя как столовую и под комнату для заседании врачей, т.е.

[55]Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Вече, 1996. С. 250-252.
[56] Там же. - С. 137

консилиума. Следует также вспомнить и о Дмитриевском храме, расположенном около Иоанно Богословской церкви. При передаче храма обновленцам «разрешили» из церкви сделать пекарню, но затем решили взорвать ее, думая что верующие втихую могут служить службы. Приехавший из Тамбова сапер сказал, что от взрыва взлетит на воздух весь центр города, и церковь оставили под пекарню. Впоследствии ее разобрали по кирпичу на «мелкие нужды».

Это наступление власти на верующих было более жестоким. Многие храмы не просто закрывали и переделывали в зернохранилища или клубы (самые типичные новые предназначения для них), а начали уничтожать. Иконы демонстративно раскалывали и сжигали. Рядом с кострами из икон и книг висели лозунги «За новый быт безбожников»[57]. Эти святотатства вызывали, как минимум, ропот, а то и активное сопротивление верующих. В ответ шли аресты священнослужителей и их этапирование в места массового заключения, пыток и расстрелов. Из сел Рассказовского района, как и со всей Тамбовщины, духовенство отправляли в тогда уже печально известные мордовские лагеря. По злой иронии властей они находились недалеко от Вышенской пустыни.

Священники не имели избирательных прав, платили многочисленные налоги и, безотносительно к возрасту и здоровью, мобилизовались на тяжелые работы по заготовке топлива для советских учреждений. Было постановление Президиума ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа за 1930-1931 гг.». За невыполнение уплаты налога или работ в срок (часто исчисляемый с точностью до часа) их выселяли из домов, отдавали под суд, ссылали[58].

В 1932 году «Союз воинствующих безбожников» принял свой пятилетний план, к концу которой рассчитывал закрыть абсолютно все храмы, лишить священство продовольственных карточек. А потом выслать

[57]Русская Православная Церковь. XX век. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 247.
[58]Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995. С.159.

все духовенство и деятельных прихожан [59]. В соответствии с этим планом в 1934 году с новой силой продолжились закрытия церквей и ссылки священнослужителей в лагеря, где их ждал расстрел или смерть от тягот гулаговского режима. В этой волне репрессий сгинули и некоторые рассказовские новомученики.

В 1935-38 гг. наступил наиболее кровавый из периодов гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. И это несмотря на принятие в 1936 году Конституции СССР, провозгласившей свободу совести. План «Союза воинствующих безбожников» провалился. Значительная часть населения СССР продолжала оставаться верующими. Но организаторов переписи 1937 года, установивших этот факт, объявили вредителями. А результаты переписи запретили публиковать. Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов предложил И.В. Сталину запретить Церковь и, таким образом, получить повод для физической ликвидации любого ее члена как нелегала[60]. И хотя полный запрет не последовал, новая волна репрессий превзошла по жестокости все предыдущие и последующие. В нее попали и рассказовцы. Большая часть архивных дел рассмотренной мной книги протоиерея А. Сарычева относилось именно к этому периоду, потому что проводились расследования и писались биографии в делах, и сохранялись протоколы об обвинении.

На основании решения Политбюро ЦК ВКП (б) «Об антисоветских элементах» 30 июля 1937 г. последовал оперативный приказ наркома внутренних дел СССР №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков и уголовников и др. антисоветских элементов». К антисоветским элементам были отнесены все «церковники». Так называли и духовенство, и активных прихожан. «Церковники» делились на две категории: подлежащие «немедленному аресту и, по рассмотрению дел на тройках, - расстрелу» (первая категория), подлежащие «аресту и заключению в лагеря (или

[59]Русская Православная Церковь. XX век. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. –. С. 103.
[60]Русская Православная Церковь. XX век. С. 280

тюрьмы) на срок от 8 до 10 лет (вторая категория)[61]. Осенью и зимой 1937 года сотрудники НКВД едва успевали ставить свои подписи под бумагами о якобы проведенном следствии. Как установили в 1990-е гг. члены комиссий по реабилитации жертв политических репрессий в СССР, время расстрела всегда указывали как час ночи, т.к. для написания одной единички требовалось меньше времени, чем для другой цифры. За 1937 год из каждой из центральных областей страны расстреляли от 200 до 300 священников[62]. Подсчитать количество расстрелянных в 1937-1938 гг. верующих мирян невозможно, т.к. приговоры им выносили по самым разным ложным обвинениям. Не случайно эта дата осталась в национальной памяти как дата-символ государственного произвола.

Некоторое послабление в отношении Церкви в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы сменились новой волной репрессий в 1947-48 гг. Она менее заметна и менее известна историкам на фоне огромных военных потерь. Духовенство обвиняли в стремлении к восстановлению разрушенных войной храмов, в организации крестных ходов, способствовавших невыходам колхозников на полевые работы. На самом деле крестные ходы в засушливый и голодный 1946 год проводились с молебнами о дожде и ниспослании урожая. Деревня страшно голодала в первый послевоенный год. Церкви запрещали производство свечей, венчиков для усопших, икон. С точки зрения социалистической экономики изготовление «предметов религиозного культа» считалось криминалом[63]. Не только производство, но и торговля ими каралась лагерным сроком. Поэтому самыми смелыми распространителями столь необходимых верующим кустарно изготовленных бумажных иконок, венчиков и т.п. были инвалиды войны. Они рассчитывали на попустительство со стороны милиции, видящей их фронтовые увечья. Но это срабатывало далеко не всегда.

---

[61]Там же. С. 282.
[62]Там же. С.283.
[63]Русская Православная Церковь. XX век. С. 419.

Новые репрессии последовали в конце 1950-х годов. Началась борьба «за преодоление религиозных пережитков капитализма» в умах «строителей коммунизма». В печати усилились нападки на Христианство. Печаталось огромное количество атеистической литературы. Вновь стали закрывать и уничтожать храмы с их святынями. Возобновились аресты священников и активных прихожан. Правда, расстрельные приговоры стали редкостью. Но условия лагерей нередко влекли к смерти людей, отбывавших относительно небольшие сроки (четыре-пять лет). К тому же, у многих верующих аресты и заключение на рубеже 1950—1960х гг. были далеко не первыми. А между лагерем 1937 года и лагерем 1961 года у мужчин помоложе пролегли испытания фронтом. В ряде случаев мы знаем об аресте верующих рассказовцев в те годы, но не знаем об их возвращении из лагерей. Скорее всего, с ними случилось то, что образно называли тогда «превращением в лагерную пыль».

С отставкой Н.С. Хрущева наиболее острые элементы антирелигиозной кампании были свернуты, но в целом курс на постепенное удушение Церкви продолжался до 1988 года. Стремление к изоляции Церкви, уменьшению ее влияния было в этот период доминирующим.

В том, что Церковь выстояла в период самых жестоких гонений, особое значение имело оживление приходской жизни и увеличение в ней роли женщин. Не считаясь со смертельной опасностью, прихожане повсеместно боролись за сохранение даже уже закрытых и оскверненных храмов. Подавляющее большинство церковного актива с 1930-х годов составляли женщины. Они продемонстрировали удивительное бесстрашие и стойкость в самоотверженном служении Церкви. Именно женщины добровольно ехали в ссылки, чтобы сопровождать и спасать там своих пастырей, давали приют гонимым и обеспечивали подпольную церковную жизнь и церковную службу. Появилось много подвижниц, не постриженных в монашество, но живших по монашескому, возникли сотни так называемых «монастырей в

миру» [64]. Были подобные подвижницы и на Рассказовской земле. Все это позволило Церкви не только выстоять, но и возродиться.

II.2. Трагическая судьба священнического рода Алабовских из села Саюкино.

Хочется рассказать о селе Саюкино Рассказовского района и о его приходе, который, в своей незаметности по сравнению с районным центром, обрел мощный столп веры в годину гонений на Православную Церковь Христову. Принадлежность к духовному сословию веками была наследственной. А по советским конституциям 1918 и 1924 гг. лица духовного звания были отнесены к «лишенцам», т.е. неполноправным гражданам. Они не имели избирательных прав, на них возлагалась трудовая повинность, они платили особые налоги, их дети могли получить в советской школе только начальное образование. Семьи духовенства всегда были многодетными. Поэтому репрессии выкашивали из них сразу несколько мужчин. Более того, советские карательные органы преследовали духовенство с учетом общности рода занятий членов большой семьи. Арестовав отца «брали» сыновей. Такая страшная участь выпала на долю потомков диакона Петра Васильевича Алабовского. Они служили и приняли свой крест в разных местах. Но их малой родиной была Рассказовская земля.

Священник Василий Петрович Алабовский[65] (1876-1930).Священнический род Алабовских, по преданию, пошел из Киева. В XIX веке в Архангельской церкви села Саюкино Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне Рассказовский район Тамбовской области) служил диаконом Петр Васильевич Алабовский. Известно, что он, как и его

[64]Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – Москва: Вече, Лепта, 2010. С. 128.
[65] Сарычев А., прот. Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. Т. 1. С. 262

супруга, Анна Никифоровна (в девичестве Добровольская)[66], были детьми псаломщиков. Быт их в Саюкино был богат разве что детьми, которые стали достойными продолжателями дела предков. Из выросших в семье шестерых сыновей только один Аркадий (1880-1950) не пошел по духовной линии и стал учителем. Все же остальные дети выбрали пастырскую стезю и все пострадали в годы гонений на Русскую Православную Церковь. Младшего Евгения в возрасте 22 лет убили комсомольцы в лесу под Саюкино[67], когда он возвращался пешком из Тамбовской духовной семинарии домой. Протоиерей Михаил (1874-1937) расстрелян в 1937 году, канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом. Протоиерей Иоанн (1878-1937) рано овдовел и после смерти жены Веры перебрался из Кирсанова вСаюкино, где вначале был, судим (приговор - пять лет высылки), а по возвращении в село вновь арестован и приговорен к расстрелу. Протоиерей Гавриил (1887 г. р.) был женат на дочери протоиерея местной церкви Михаила Николаевича Розанова Анне[68]. Служил в Саюкино, был судим в 1923 году, но избежал заключения. За недоказанностью обвинения был освобожден. Дело на него было прекращено[69].Скончался от туберкулеза 21 января 1931 года.

С моршанской землей Промысел Божий связал самого старшего из братьев Василия, сделав его в годы гонений на веру одним из самых ярких и уважаемых местных пастырей[70]. Родился Василий Алабовский в 1876 году. С самых ранних лет, как и братья, он прислуживал у отца в храме, рос в атмосфере глубокой и чистой веры. Пожалуй, лучше всего состояние души будущего священника характеризуют собственноручно написанные им, в бытность семинаристом, в 1898 году слова на фотографии: «Дорогим родителям от покорного и беззаветно любящего сына ... в залог неизменной вечной благодарности за чисто христианское, в духе Православной Церкви, воспитание. Надеюсь, что это первое впечатление, вынесенное из детства, -

[66] См. Фото в приложении.
[67] По рассказам соседки Зои, которая слышала эту историю от своей матери
[68] Сарычев А. прот. // Вестник православия.-2002. – Т. VIII. №6(80)
[69] Там же.
[70] Там же.

любовь к Церкви - по неизменному психологическому закону останется в силе на всю жизнь». Окончив в 1898 году Тамбовскую духовную семинарию, он женился. Жена Мария Иоанновна[71], в девичестве Медведева, была из семьи богатойи светской. Ее отец работал в селе Большое Шереметьево управляющимпоместья. В 1900 году Василий был рукоположен во иерея[72] и направлен вкладбищенскую Феодоровскую церковь Моршанска. При поступлении его в причт их семье выделили служебную квартиру в несколько комнат в причтовом доме прямо на территории некрополя (ныне городском кладбище). Поначалу жили они скромно и небогато. Соседом их был также священник, по-видимому, отец Павел Архангельский. Приезжавшие в Моршанск архиереи Тамбовские и Шацкие не раз останавливались здесь. Со временем в семье Алабовских родилось четверо детей:в 1902 году - Зоя, в 1906 году - Анна, в 1908 году[73] - Елена, младшая дочка умерла во младенчестве. По складу характера он был простым и добрым, нестяжательным, как пастырь - по-отечески строгим, требовательным, начитанным и грамотным, хорошим проповедником. Прихожане к нему тянулись, любили беседовать, спрашивать совета. Дружил он с иереем Владимиром Лачиновым, настоятелемСкорбященской церкви при тюрьме - будущим оппонентом из лагеряобновленческого духовенства. В предреволюционном городе отец Василий много трудился на поприще церковного просвещения и милосердия: исполнял обязанностиказначея Общества пособия нуждающимся ученицам женской гимназии, был законоучителем железнодорожного двухклассного училища, состоял членом ревизионной комиссии, а с 31 января 1902 года по 1915 год делопроизводителем и членом Моршанского отделения епархиальногоучилищного совета. В предреволюционное время отцу Василию удалосьдаже присоединить к православию несколько лиц иудейского вероисповедания. За свой пастырский труд он получал награды:

[71] Фото в приложении
[72] Сарычев А. прот. // Вестник православия.-2002. – Т. VIII. №6(80).
[73] Там же

набедренник – в 1901 году, скуфью - в 1903-м, Библию от Святейшего Синода - в 1906-м,камилавку - в 1911-м. И наперсный крест в 1916-м году. Имел памятныемедали и орден св. Анны 3-й степени.

А вскоре произошла Октябрьская революция, после которой перемены в жизни с каждым днем все сильнее давали о себе знать и втихом Моршанске, не оставляя в стороне и духовное сословие. В 1918 году вышел приказ Реввоенсовета республики «О призыве граждан в тыловое ополчение, достигших к 2 декабря 1918 года 40-летнеговозраста, эксплуатирующих чужой труд»[74]. В этот разряд попало большинство священников, диаконов и псаломщиков. Они были вызваныиз своих сел в город на различные работы, а церкви остались без богослужения. В число мобилизованных попал и отец Василий. К счастью, люди тогда еще не были запуганы репрессиями и находили в себе силыактивно и открыто заступаться за любимых пастырей. В исполком сталипосылать ходатайства с требованием вернуть священников, и некоторыхиз них в начале 1920 года отпустили. Несмотря на ходатайство прихожан, поначалу, в феврале 1920 года, отца Василия не отпустили, однаков марте вопрос все же был решен положительно с формулировкой: «...с тем, чтобы он в свободное время выполнял какие-либо общественныеработы». В это смутное время отец Василий, видимо, не разобравшись,что к чему, чуть было не попал в группу обновленцев. На него и впоследствии пытались оказывать давление, но безрезультатно. Из-за возникших в середине 1920-х годов брожений среди причтаи мирян кладбищенской церкви, переданной обновленцам, протоиерей Василий вынужден был оставить этот храм и перейти в Никольскую(Рождества Богородицы) церковь на улице Лотикова. До наших дней дошел документ, отражающий события тех далеких дней. Суть его такова. В 1928 году вокруг Моршанского викарного епископа Иоанна (Георгиевского) и протоиерея Василия Алабовского образовался небольшой кружок верующих, который

[74]Миненков Д.Д. Тыловое ополчение в системе Народного комиссариата по военным и морским делам — Народного комиссариата обороны СССР (1933—1937 гг.). - Новосибирск, - 2006. - 278 с.

проходил в делах ОГПУ под названием «Братство»[75]. Органы посчитали людей, периодически собирающихся на квартире отца Алабовского (он жил вместе с епископом) для проведения хоровых спевок, контрреволюционно настроенными, а самого отца Василия - главой контрреволюционной организации. В следственномделе отмечалось, что Никольский храм, в котором служил отец Василий, «является оплотом тихоновцев, где группируется вся реакционная каста бывших людей со своими священниками». Когда власти сняли часть колоколов с Никольской церкви, прихожане стали решительно протестовать, что, в конце концов, вылилось в выступление верующих 8 мая около Феодоровской церкви (в этот день около церкви собралось 200 человек). Предшествовало этому еще одно выступление верующих 3 мая 1929 года, когда в клубе Рабпроса проходила антирелигиозная лекция, снова был поднят вопрос о снятии колоколов. Обстановка накалилась дотого, что крестьяне чуть не избили заведующего клубом и комсомольцев. Только вмешательство милиции предотвратило избиение. Как говорят старожилы, будучи не в силах по своей пастырской совести и долгу оставаться в стороне, протоиерей Василий Алабовский выступил с церковного амвона, при большом скоплении людей, с очень резкой проповедью. Его поддержали пастыри и в других храмах. Не желая смириться с потерей любимого храма, протоиерей Василий продолжал за него бороться. В начале 1929 года он был, судим по ст.1и 107 УК РСФСР якобы «за факт подделки официального заявления в Моршанский горсовет с просьбой о предоставлении в свое ведение кладбищенского храма». Ему выписали штраф в размере 1000 рублей.

Однако уже вскоре, в конце 1929 года, заработал запущенный маховик репрессивной машины. Священник протоиерей Василий Алабовский был арестован 26 ноября 1929 года Тамбовским окружным отделом ПП ОГПУ по ЦЧО. До суда батюшка содержался в подвальной Тамбовской тюрьме по улице Советской как заключенный под №2289. В самом здании

[75] Озарнов И. Священник Алабовский Василий Петрович // Тамб. Епарх. Ведомости.-2008.- №3.-с.40.

располагалась совпартшкола, а затем оно стало жилым домом. (По иронии судьбы позже здесь получил квартиру правнук отца Василия.) Семью отца Василия выселили из занимаемой квартиры (они проживали в доме по ул. Красноармейской, 24), вещи конфисковали. Одна из дочерей проходила на суде как свидетель. Опасаясь преследования, обе младшие дочери при первом удобном случае покинули Моршанск: Анна выехала в Сибирь, где работала врачом, а Елена в Москву, где работала воспитателем в детском саду[76].

11 февраля 1930 года протоиерей Василий Алабовский был осужден постановлением заседания «тройки» при ПП ОГПУ по ЦЧО по ст. 58 п.10 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен висполнение 17 февраля 1930 года в Тамбовском Доме заключения. Сохранился уникальный документ, акт о приведении в исполнение приговора: «На основании постановления «тройки» при ПП ОГПУ по ЦЧОот 11 февраля 1930 года приговор о расстреле Алабовского В. П. мною, уполномоченным Тамбовского окркома от ОГПУ Медведевым Павлом,в присутствии помощника окрпрокурора тов. В. Г. Максимова, 17 февраля 1930 года в 24 часа приведен в исполнение[77]. О чем составлен настоящий акт».В ночь расстрела отец Василий нашел в себе силы, чтобы передать через помпрокурора открытку своей жене, которая до нее так и не дошла, как и само известие о смерти мужа .

Дочь Зоя на момент ареста отца уже была замужем, имела малолетних детей. Поэтому она покидать Моршанск не стала. Несколько раз ездила в Тамбов, передавала в тюрьму отцу еду и теплые вещи. Надзиратели их брали и уверяли, что все отдавали ему. Как-то в очередной раз пришла она и увидела на одном из них пальто на лисьем меху и еще что-то из принесенной ранее одежды. Тут только и поняла, кому и куда все это попадало и какова действительная судьба отца ... Потом ей рассказывали, что отец Василий на

[76] По воспоминаниям супруги о. Гавриила Алабовского
[77] Выписка из личного дела прот. Василия Алабовского. Цит. по :Сарычев А. Указ соч. С 217.

допросах держался очень стойко. Его склоняли к тому, чтобы он перешел в обновленчествоили прилюдно отказался от веры. «Не пугайте меня и не давите на мою семью, я вас не боюсь», - ответил пастырь. Впоследствии родным также рассказали, что перед самым своим расстрелом, уже зная про вынесенный смертный приговор, отец Василий в сослужении таких же арестованных священников совершил в камере свою последнюю службу. Реабилитирован Василий Петрович Алабовский постановлением Президиума Тамбовского областного суда от 22 августа 1956 года[78].

В 1937 году, в конце лета, к племяннице в Моршанск приехал старший брат отца Василия - протоиерей Михаил. Считалось, что из всех братьев он обладал самым красивым и сильным голосом. Он догадывался, что на месте постоянного служения готовился его арест, и надеялся здесь немного переждать критическое время. Был морально подавлен, никуда не выходил. Опасаясь своим присутствием навлечь бедуна семью племянницы, решил ехать назад. Как потом кто-то сообщил, арестовали его прямо в поезде, и весточек от батюшки более никаких не было.

Священник Иоанн Петрович Алабовский (1878-1937). Иоанн Петрович Алабовский родился в 1878 году в селе Саюкино Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне Рассказовский район Тамбовской области). Окончил Тамбовскую духовную семинарию. Перед арестом, в 1931 году, служил в церкви села Саюкино[79]. Осужден к пяти годам высылки. В 1937 году вновь был арестован. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Воронежской области от 1 октября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение17 октября 1937 года. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 3 апреля1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года»[80].

---

[78]. Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3т. т. 1.- С. 262

[79] Фото в приложении

[80]. Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3т. т.1. – С.272

Наиболее яркая судьба сложилось у о. Михаила. Он прославил фамилию Алабовских не только в России, но и за рубежом.

Михаил Петрович Алабовский родился 9 января 1874 года в селе Саюкино Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне Рассказовский район Тамбовской области) В девять лет Михаил стал учеником Тамбовского духовного училища, а затем Тамбовской духовной семинарии, где пребывал на казенном содержании под опекой Совета попечительства о бедных воспитанниках. В 1893 году Михаил Алабовский успешно закончил Тамбовскую духовную семинарию[81]. Обширная семинарская программа, которая славилась фундаментальными знаниями в области древних и новейших языков, а также, несомненно, и влияние преподавательского состава способствовали развитию стремления у Михаила Петровича к получению академической подготовки. К 20 августа 1893 года Совет попечительства о бедных воспитанниках семинарии направил в Совет Киевской духовной академии (КДА) уведомление о том, что по ходатайству семинарского правления Михаил Алабовский является на средства Попечительства в Киев для поступления в академию. Впоследствии Михаил Петрович не забыл о помощи, которую дало ему Попечительство, не раз материально, поддерживая его деятельность, 30 августа 1893 года Алабовский оформил прошение о разрешенииему держать вступительный экзамен, следом за которым в Киев поступила и его характеристика, подписанная ректором Тамбовской семинарии, протоиереем Павлом Соколовым: «Вследствие отношения от 26 августа сего 1893 г. за № 642 долг имею уведомить, что воспитанник Тамбовской духовной семинарии выпуска текущего 1893 г. Михаил Алабовский по характеру и направлению вполне благонадежен для поступления в академию»[82]. Наш талантливый земляк прославил свою малую родину своей успешной учебой и трудах на ниве Христовой о коей Господь сказал «жатвы много а делателей мало» (Мф.9.36-

[81] Фото в приложении
[82]Некролог К. П. Терлецкому // Киевские Епархиальные Ведомости (КЕВ).- 1905.- № 18.

38). Широк и многогранен труд прот. Михаила на Киевской земле, которая призвала его на служение Богу и людям. Он внес неоценимый вклад в развитие церковного образования. Отец Михаил не избежал участи большинства священнослужителей в годы гонений на Православную веру.

19 октября 1937 года протоиерей Михаил Алабовский был арестован сотрудниками УНКВД УССР по Киевской области. Ордер был выписан 26 ноября 1937 года, то же число фигурирует и в протоколе обыска. Протоколы допроса свидетелей, видимо, заранее написанные следователем, противоречивы по своему содержанию и все обвинения совершенно абсурдны. На очной ставке и на допросе отец Михаил ни одно обвинение не подтвердил. Но следователь этого и не требовал, ведь приговор был известен заранее, свидетели были опрошены, допрос и очная ставка состоялись в один день. Постановлением заседания «тройки» при УНКВД УССР по Киевской области от 8 декабря 1937 года отец Михаил Алабовский был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 21 декабря 1937 года. В 1981 году он был канонизирован в сонме новомучеников Российских Русской Православной Церковью за рубежом.

Мы не владеем полной достоверной информацией про всех, тем не менее, можем сказать, что это была выдающаяся семья в интеллектуальном духовно-нравственном плане. В церковном музее Иоанно-Богословской церкви[83], мы нашли информацию про супругу о. Гавриила Анну Михайловну Алабовскую (в девичестве Розанову), о которой ее крестница Наталья Генералова более подробно рассказала в письме к отцу Николаю (предположительно Яблочкину), где рассказала о подробностях жизни в суровое время и, семейных ценностях семьи Алабовских[84]. На примере семьи священнослужителей Алабовских, в которой было трое священномучеников, мы видим непоколебимость наших пастырей в вопросе веры. Семья Алабовских один из ярких примеров истинного христианства.

---

[83] Некролог К. П. Терлецкому // Киевские Епархиальные Ведомости (КЕВ).- 1905.- № 18. С.8
[84] См. приложение.

II.3. Погибшие клирики, монашествующие и миряне

В ходе репрессий погибло гораздо больше людей, чем было вынесено смертных приговоров. Карательная система была устроена так, что условия заключения, этапирования, содержания и принудительных работ в лагерях были невероятно тяжелыми. Многие их не выдерживали. Учет умерших и погибших толком не велся, родственников о гибели их близких на этапе или в лагере не извещали. При организации реабилитации в первую очередь поднимали «расстрельные списки». После 1953 многие родственники сгинувших в лагерях людей на запрос об их судьбе получали свидетельства о смерти близких от естественных причин (пневмония, сердечная недостаточность и т.п.). За такими справками могли скрываться любые причины насильственной смерти. Но родные многих не дожили до конца 1980-х годов, когда власть решила показать обществу истинную картину репрессий. Поэтому мы в этом разделе работы рассмотрим биографии тех рассказовцев, о которых известно, что они были расстреляны, и тех, которые не пришли из лагерей. Чтобы нам легче разобраться рассмотрим по городу и селам, как и где, служили и пострадали.

Судьбы людей были неразрывно связаны с судьбами храмов, в которых они служили или чьими прихожанами были. Начнем Храм Иоанна – Богослова в Рассказово в 1882 году она была освящена для служения Преосвященным епископом Тамбовским и Шацким Палладием. «Колокольня новой Иоанно - Богословской церкви высотой была 75 аршин, и стояла вровень с Бездушным Кустом[85].

На страницах «Известий Тамбовского губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских Депутатов»[86] в

[85] Фото в приложении
[86]"Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов". 1921 .№ 154

1921-23 годах развернулась хорошо продуманная антирелигиозная компания. Здесь публикуются, вроде бы отвлеченные заметки о вреде религии в целом и одновременно, как бы вскользь, сообщается о том, как «попы выдают бандитов». А ведь на Тамбовщине в это время шло крестьянское восстание, направленное против террора большевиков, и многие люди сочувствовали повстанцам.[87].

Советские власти Иоанно - Богословскую церковь сразу не закрыли, но делали все возможное, чтобы донельзя усложнить ей жизнь и отвратить народ от спасительной веры. По тактическим соображениям большевики не смели открыто нападать на Православную Церковь; нельзя же в говорить в глаза человеку плохое о его матери, а именно матерью и никем иным церковь была для русских на протяжении многих веков. Тогда ленинские идеологи нашли «козла отпущения». Зная нелицеприятное отношение православных рассказовцев к ересеучителям, органы развернули жесткую компанию по преследованию сектантов. Но это было только прикрытием. Под сектантами они подразумевали всех христиан и основной целью их борьбы с «ересью» было все-таки уничтожение нашей церкви.

Вот что писала газета «Тамбовская правда»[88]. «Классовый враг орудует в Рассказове под маской сектантов, не встречая никакого отпора. Сектанты эксплуатируют бедноту, срывают хлебозаготовки, распускают антисоветские слухи, и ячейки Союза безбожников разваливаются, не получая помощи в руководстве от парторганизаций… В 1928 году в Рассказове - 8 ячеек безбожников. На Арженской фабрике 1 ячейка в 42 человека. Всего безбожников по городу 160 человек. Но их не слышат. Нет работы. Сидят, не обслуживают даже себя. Не собираются. Массовой антирелигиозной работы в городе нет. Горком партии просит у вышестоящей организации прислать хорошего безбожника, но его нет, как нет отпора сектантам. Рассказову нужна помощь! Там нужен хотя бы один сильный антирелигиозник, чтобы

[87] Там же
[88] Тамбовская, правда. 1929. № 220. 25 сентября.

объединить силы»[89]. Заметка маскирует противостояние большинства верующих горожан горстке распропагандированной молодежи.

Но позже в Рассказово была организована серьезная антирелигиозная работа в школах, на фабриках и заводах, в местах массового отдыха людей. И результат был, достигнут: в 1937 году горсовет принимает решение закрыть и стереть с лица земли Иоанно - Богословскую церковь. Священники были арестованы, осуждены и сосланы в лагеря. Церковь разграблена. Коммунисты жгли иконы и глумились над ними так, словно сошли с ума.

Но светлый день все-таки наступил: после многолетних молитв и ходатайств верующих в разные высокие инстанции в 1945 году Иоанно - Богословский храм был возвращен православным христианам. Иконостас для главного алтаря был привезен из закрытого храма в селе Никольское, для Казанского - из Хитрова, иконы собирали из домов горожан, приносили из сел Липовки и Богословки.[90]

Среди пострадавших священников был «Иван Тимофеевич Скороглядов, 1880 года рождения, уроженец с. Шокса Темниковского уезда Тамбовской губернии. На момент ареста, в 1937 году, служил священником в церкви с. Рассказово. Решением Тройки УНКВД по Тамбовской области от 26 декабря 1937 г. осужден по ст. 58-10 УК РСФСР к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован прокуратурой Тамбовской области 26 июля 1989. А также Владимир Яковлевич Ковалевский 1883 г.р., уроженец с. Новая Миловатка Миловатского района Воронежской области. На момент ареста, в 1937 г., служил священником Богословской церкви г. Рассказово. Решением Тройки УНКВД по Воронежской области от 26 сентября 1937 г. осужден по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован прокуратурой Тамбовской области 19 июля 1989 г»[91].

---

[89]Тамбовская, правда. 1929. № 220. 25 сентября

[90] По рассказу прот. Николая (Яблочкина). Из собраний музея Иоанно – Богословского храма

[91]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – Т.1 С.115.

В Рассказово была арестована и монахиня Варвара (Варвара Георгиевна Кузичева (1888-?). Она родилась в 1888 году в селе Сергиевка нынешнего Сампурского района Тамбовской области. До 1927 года была монахиней Дивеевского монастыря, затем вернулась в родное село. Трижды подвергалась аресту. В 1931 году постановлением заседания «тройки» при ПП ОГПУ по ЦЧО от 10 апреля она была осуждена по ст. 58 п. 10, п. 11 УК РСФСР и приговорена к заключению в концентрационном лагере сроком на пять лет. Будучи активной прихожанкой церкви в Рассказово, в 1940 году была вновь арестована и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 22 марта 1941 года осуждена по ст. 58 п. 10, п. 11 УК РСФСР приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на восемь лет. В 1950 году ее вновь арестовали как активную прихожанку церкви села Нижнеспасское. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 7 октября 1950 года она была осуждена по ст. 58 п. 10, п. 11 УК РСФСР и приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Реабилитирована по делу 1931 года Прокуратурой Тамбовской области 31 марта 1989 года, по делу 1941 года - определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 26 марта 1966 года, по делу 1950 года - Прокуратурой Тамбовской области 14 апреля 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года[92].

Страдали и активные прихожане-миряне. Матрона Петровна Кандаурова родилась в 1903 году в селе Сластенка Щученского района Воронежской области. Перед арестом, в 1937 году проживала в городе Рассказово Тамбовской области, была активной прихожанкой в местной церкви. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Воронежской области осуждена по ст. 58 п. 10, ст. 58 п. 11 УК РСФСР и приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет. В 1950 году вновь

[92] Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. Т. 3. С. 73

была арестована и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 7 октября 1950 года осуждена по ст. 58 п. 10, ст. 58 п. 11 УК РСФСР, приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Реабилитирована Прокуратурой Тамбовской области 14 апреля 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Симеон Николаевич Никитин родился 24 мая 1877 года в селе Солтыково Баландинского района Саратовской области в семье священнослужителя. Окончил миссионерскую школу. До ареста проживал по адресу: г. Рассказово, ул. Пролетарская, д. 220. Занимался изготовлением церковных свечей и ладана. 15 сентября 1937 года арестован Рассказовским РО НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки: УНКВД по Воронежской области от 26 сентября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 11 октября 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован постановлением президиума Тамбовского областного суда от 26 мая 1966 года[93].

В районе также сохранилась информация про служивших здесь пастырей, к примеру взять село Осиновка. В архивном деле обнаружилась информация про местного священника. «Александр Иоаннович Боголюбов родился в 1886 году в селе Осиновка Рассказовского района Тамбовской области. До ареста, в 1937 году, служил в церкви села Осиновка. Приговором выездной сессии Судебной Коллегии Воронежского областного суда от 8 октября 1937 года осужден по СТ. 58 П. 10 УК РСФСР, приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован постановлением Президиума Верховного Суда

[93] Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. Т.3 – С. 368

РСФСР от 25 ноября 1964 года»[94]. Дальнейшая судьба выясняется и значительно затруднена тем, что не осталось живых свидетелей.

Чуть более подробно можно рассказать о духовном наставнике жителей села Нижнеспасское священнике Петре Иоанновиче Альбицком (1895-?). Петр Иоаннович Альбицкий родился в 1895 году в селе Савватьма Ермишинского района Московской области. Служил священником в церкви села Нижнеспасское Рассказовского района до 1937 года. Каменная, теплая церковь была построена на средства прихожан в 1887 году. В храме было два престола: главный - Покровский (10 октября) и придельный в честь Живоначальныя Троицы. Приход был открыт около 300 лет тому назад. Вместе с ним служил диакон Александр Павлович Забавников. Их вместе угнали в неизвестном направлении. Приговором выездной сессии Воронежского областного суда от 9 октября1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорен к семи годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Дальнейшая судьба его неизвестна. Реабилитирован Судебной Коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 16 марта 1961 года[95]. Как стало известно из рассказов местных жителей, упоминавшегося ранее старожила села Алексея[96], это был пастырь, который мог своим словом воодушевить человека отвернуть от погибельного пути. Так он своей проповедью помог встать на путь веры многим уже поддавшимся духу коммунистического веяния односельчанам.

Мы старались найти хоть какую-то информацию о священнослужителях Рассказовского района, кроме архивных дел. Но, к сожалению, не все опрошенные жители сел помнят о том или ином пастыре. Некоторые даже не знают о храме, который был в их селе. Вот так дело обстоит с храмом села Дмитриевщина Рассказовского района, где служил священник Павел Петрович Виссонов(1876-1937). Павел Петрович Виссонов родился 10 января

---

[94] Там же т.1. - С. 337

[95]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – т.1, С. 413

[96]Записано автором со слов Алексея Воробьева

1876 года в селе Устье Козловского уезда Тамбовской губернии (ныне Мичуринский район Тамбовской области) в семье священнослужителя. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. Перед арестом проживал в селе Дмитриевщина Платоновского (ныне Рассказовского) района Тамбовской области. Служил священником в местном приходе. 12 октября 1937 года арестован Платоновским РО НКВД и содержался в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 20 ноября 1937 года осужден по СТ. 58 П. 10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания расстрелу. Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года (точный даты в деле нет). Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 20 марта 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года. Вот практически вся информация. На месте разрушенного храма в честь Дмитрия Солунского сейчас установлен памятный крест.

Мы с нашей информационной базой затронули только часть сел по Рассказовскому району, но и эта часть вполне может представить хотя и не полную, но довольно объективную картину происходящего. По селу Липовка известны имена двух мучеников. «Николай Сергеевич Иваницкий родился в 1874 году в селе Никольское Нижнеломовскогорайона Пензенской области. Перед арестом, в 1935 году, служил священником в церкви села ЛиповкаРассказовского района Тамбовской области. Постановлением заседания Специальной Выездной Коллегии Воронежского областного суда от 28 сентября 1935 года осужден по ст.58 п.10 УК РСФСР, приговорен к восьми годам тюремного заключения. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован постановлением Прокуратуры Тамбовской области от 12 мая 1996 года[97].

Монахиня Параскева (Параскева Петровна Щетинина, 1889-?) – одна из немногих пострадавших рассказовских инокинь, чье имя известно. Параскева

[97]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – т.1, С.553

Петровна Щетинина родилась в 1889 году в селе Липовка Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Рассказовский район Тамбовской области) в семье крестьян. Получила начальное образование. На момент ареста проживала у своей родной сестры - Гликерии Петровны Корабельниковой по адресу: г. Тамбов, ул. Трегуляевская, д. 70. До 1917 года - монахиня монастыря в селе Сухотинка Тамбовской области. После закрытия монастыря проживала вместе с близкой подругой Ф. Е. Сафоновой у родной сестры, оказывая помощь по ведению домашнего хозяйства. 1 июля 1942 года была арестована и содержалась под стражей во внутренней тюрьме УНКВД. Приговором Тамбовского областного суда от 29 июля 1942 года осуждена по ст. 58 п. 10 ч. 2 и приговорена к десяти годам лишения свободы. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Реабилитирована Прокуратурой Тамбовской области 5 января 1996 года в соответствии с Законом РФ от 18 октября 1991 года[98]».

Жители Липовки рассказывают историю о том, как при разрушении их закрытой церкви в 1946 году в сброшенном куполе оказались пчелы, жалившие разрушителей сельской святыни. Мед из разрушенных при падении купола сот тек по камням, как безутешные слезы по некогда великолепному храму и погибшим за веру.

Много уроженцев Рассказовского района уехали в другие области исполнять свой пастырский долг. «Григорий Васильевич Гриднев родился в 1893 году в селе Рождественское Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне Рассказовский район Тамбовской области). До ареста, в 1930 году, служил священником в церкви села Ольховка Инжавинского района. Постановлением заседания «тройки» при ПП ОГПУ по ЦЧО от 1 марта 1930 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к десяти годам заключения в концентрационном лагере. Дальнейшая его судьба неизвестна.

[98]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014.- т. 3 С.

Реабилитирован постановлением Президиума Тамбовского областного суда от 16 мая 1969 года[99]».

Среди бескрайних степей затерялась безызвестная деревушка в две улицы и с отсутствием даже часовни - Можаровка, а ведь в предреволюционные времена здесь стояла церковь во имя иконы Казанской Божией Матери. И здесь родился один из упоминаемых нами новомучеников.

«Михаил Иустинович Дружинин[100] родился в 1903 году в деревне Можаровка Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне Рассказовский район Тамбовской области) в крестьянской семье. Окончил духовное училище и один класс Тамбовской духовной семинарии, служил в Знаменской церкви села Осино-Гай, ныне Гавриловского района. В 1931 году отец Михаил был арестован органами ОГПУ 10 октября 1937 года, он вторично арестован и помещен в Моршанскую тюрьму, выйти, откуда ему было уже не суждено. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 29 декабря 1937 года он был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 29 декабря 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 21 августа 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года».

Но и на Рассказовскую землю приезжали священники-уроженцы других мест. В селе Подоскляй священник Иоанн Давидович Иванищев (1886-1937) был уроженцем села Кобяки Кирсановского уезда Тамбовской губернии (ныне Кирсановский район Тамбовской области). Он был крестьянским сыном. 6 сентября 1937 года арестован Рассказовским РО НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 27 октября 1937 года осужден по СТ. 58 П. 10 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания -

[99] Там же т.1 С.454
[100] Фото в приложении

расстрелу. Приговор приведен в исполнение 4 ноября 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 29 марта 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года[101].

Двух священников – жертв репрессий - дало село Осиновка.

Михаил Иоаннович Боголюбов родился в 1877 году в селе Осиновка Рассказовского района Тамбовской области. На момент ареста, в 1937 году, служил в церкви села Новгородовка. Приговором выездной сессии Судебной Коллегии Воронежского областного суда от 7 октября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 21 августа 1991 года[102].

Священник Петр Васильевич Боголюбов (1878-?) родился 29 июля 1878 года в селе Осиновка Рассказовского района Тамбовской области в семье церковнослужителя Казанской церкви. Он окончил сельскую школу и специального духовного образования не имел. В период репрессий Петр Васильевич проживал в городе Моршанске по адресу: ул. Первомайская, д. 10. Служил священником (видимо, сверхштатным) в одном из храмов города и одновременно работал сторожем на железной дороге. 3 декабря 1937 года отец Петр был арестован Моршанским РО НКВД и помещен под стражу в городскую тюрьму. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 13 декабря 1937 года был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован постановлением Президиума Тамбовского областного суда от 5 июля 1957 года[103].

---

[101]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – Т.1. С.554.
[102]Там же. Т. 1. С.338
[103] Там же.

Такая же участь постигла уроженца села Нижнеспасское Михаила Феодоровича Смирнова. Он родился в семье церковнослужителя. Окончил духовную семинарию. Перед арестом служил в Казанской церкви села Крюково Моршанского района. 29 сентября 1937 года был арестован Моршанским РО УНКВД Тамбовской области и помещен под стражу в Моршанскую тюрьму. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 28 октября 1937 года отец Михаил был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Дальнейшая судьба его неизвестна. Реабилитирован постановлением Президиума Тамбовского областного суда от 30 декабря 1965 года[104].

Если репрессированный выживал в лагерях, иногда за первым приговором следовал второй, более суровый. Например, священник Илия Иоаннович Сосновский (1880-1937). Сосновский родился 14 июля 1880 года в селе Верхние Пупки Козловского уезда Тамбовской губернии (ныне село Советское Сосновского района Тамбовской области) в семье священнослужителя. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1930 году перед арестом служил священником в селе Верхнеспасское Рассказовского района. 11 февраля 1930 года Илия Иоаннович арестован органами ОГПУ и содержался под стражей в Тамбовском ИТД. Постановлением заседания «тройки» при ПП ОГПУ по ЦЧО от 17 марта 1930 года осужден по ст. 58 п. 10, ст. 58 п. 11 УК РСФСР и приговорен к десяти годам заключения в концентрационном лагере[105]. Сведений о месте отбытия наказания не имеется. После освобождения продолжил службу в селе Верхнеспасское Рассказовского района. «Не отходите от церкви и верьте в Бога, не смотрите на безбожников!» - призывал пастырь. В те годы любое слово священника расценивалось как контрреволюционное преступление. В

[104]Там же, т.1, С.338

[105]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – т.3 С.

стране была создана жестокая система, которая держала людей в постоянном страхе. Рядом со страхом шла идеология, требовавшая полного подчинения воле государства. 3 ноября 1937 года отец Илия вновь был арестован Рассказовским РО НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 20 ноября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 7 декабря 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 20 марта 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

В 1937 году аресты следовали один за другим. Следом за духовенством забирали церковнослужителей. Выше уже упоминалась трагическая судьба священников Алабинских – уроженцев села Саюкино. В этом селе карательные органы расправились еще и с псаломщиком, церковным старостой и церковным сторожем.

Псаломщик Тихон Ильич Ноздрюхин (1894-?) родился в селе Козьмодемьяновка Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Тамбовский район Тамбовской области) в крестьянской семье. До ареста был псаломщиком в церкви села Саюкино Рассказовского района. 31 июля 1937 года арестован Платоновским РО НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Воронежской области от 15 августа 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован прокуратурой Тамбовской области 30 марта 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года[106].

[106]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014. – т. 3 С.

Василий Федорович Блудов перед арестом, в 1935 году, был старостой церкви родного села. В 1935 году был арестован, осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к одному году исправительно-трудовых работ. В 1937 году вновь арестован и постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 5 декабря 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 22 декабря 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 23 марта 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Павел Сергеевич Картавых родился 18 августа 1873 года в селе Саюкино в семье «крестьян-кулаков». Получил начальное образование. До ареста проживал по месту рождения. Работал сторожем в церковном приходе села Саюкино. 18 октября 1937 года арестован Платоновским РО НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 27 октября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 4 ноября 1937 года. Сведений о месте захоронения не имеется. Реабилитирован постановлением Президиума Тамбовского областного суда от 14 ноября 1959 года[107].

В селе Алексеевке на десять лет лагерей был осужден псаломщик Василий Николаевич Смерницкий. Он родился в 1886 году в городе Спасске. До ареста, в 1937 году, был псаломщиком в церкви села Алексеевка Рассказовского района Тамбовской области. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 28 октября 1937 года осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 8 августа 1989 года в

[107]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. Т 3. С. 69.

соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года[108].

Нам известен только один факт ареста члена семьи репрессированного священника. Но такие случаи не могли быть единичными. В системе ГУЛАГА были специальные женские лагеря для «членов семей изменников Родины» и они не пустовали. Формально, смертных приговоров женам и дочерям репрессированных не выносили, но смертность женщин на этапах и в лагерях была выше мужской. Александра Димитриевна Знаменская родилась в 1887 году в селе Никольское Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Рассказовский район Тамбовской области). Как жена священника, была арестована в 1936 году вместе с мужем. Приговором выездной сессии Спецколлегии Саратовского областного суда от 13 ноября 1936 года осуждена по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, приговорена к семи годам лишения свободы. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Реабилитирована Прокуратурой Саратовской области 26 августа 1992 года[109].

Подводя итог известным нам биографиям расстрелянных и сгинувших в лагерях мучеников за веру, можно сказать следующее. Под 58 статью УК РСФСР п. 10-11 подводили и служение священства, и активность прихожанина, и изготовление свечей, и принадлежность к семье репрессированного, так как нужен был лишь предлог для обвинения. Порой эти предлоги создавались ложными доносами и анонимными бумажками. Пастыри и благочестивые миряне ехали на «стройку народного хозяйства». А в лагерях охранники могли даже из личной неприязни подвести человека под расстрельную статью. Приговор «10 лет лагерей без права переписки» маскировал расстрел, обычно исполнявшийся по месту ареста.

[108]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. Т. 3. С. 70.
[109]Там же. Т. 3, С. 71.

II.4. Пострадавшее духовенство

О верующих, вернувшихся из заключения и проживших после этого непростую жизнь известно гораздо меньше, чем о погибших. Лишения не ожесточили их.

Про отца Сергия нам рассказала Светлана Фёдоровна Запара, внучатая племянница отца Сергия (Баранова)[110]. В основу ее рассказа о ранних годах священника легли воспоминания мамы – племянницы Валентины Фёдоровны и отца Сергия. А о послевоенных годах их жизни она вспоминала сама.

Родился отец Сергий 22.09.1889 г. (10.09.1889 г. по старому стилю) в г. Тамбове в трудолюбивой и дружной семье. В тот же день его окрестили во Введенской церкви г. Тамбова. Родители его, хотя и жили уже в это время в г. Тамбове, но были крестьянского происхождения. Отец его Тимофей Емельянович Баранов – крестьянин с. Нижнеспасского, сын казённого крестьянина. Мать – Мария Тарасова Баранова (урождённая Струсова) – крестьянка с. Лужково Тамбовского уезда Покровской волости.

Детство Сергея прошло в Тамбове. Когда он подрос, его отдали в городское четырёхклассное училище. В 16 лет Сергей, окончивший училище, в августе 1905 года поступил на службу в Управление Тамбовского почтово-телеграфного округа в качестве канцелярского служащего. Позже он работал там же на должности младшего механика. Когда Управление было реорганизовано в Тамбовское губернское телефонное управление, Сергей продолжал работать там же, в обновлённом учреждении. В общей сложности 18 лет он проработал на одном месте.

Когда и как познакомился Сергей со своей будущей женой – Валентиной, неизвестно. Валентина рано потеряла родителей, но получила хорошее воспитание и была типичной представительницей Российского дворянства. Делать она ничего не умела. Но, хотя это и осложняло быт молодой семьи, однако никак не отразилось на их отношениях. Родители

[110] Воспоминания Запары С.Ф. записаны и расшифрованы автором в 2015 году.

Сергея – Тимофей Емельянович и Мария Тарасовна – к невестке-дворяночке отнеслись доброжелательно и с пониманием. 19/VIII-1920 г. у Сергея и Валентины родился долгожданный сын Александр.

Когда появилась возможность продолжить учёбу, Сергей поступил в Тамбове в школу повышенного типа для взрослых; закончил её в 1922году, и, получив необходимое образование, круто изменил свою жизнь, решив в сложное время гонений на церковь стать священником: 24/VI-1923 г. в возрасте 34 лет Сергей Тимофеевич Баранов был рукоположен Епископом Иоанном (Троянским) во диакона, а 25/VI –того же –1923 г. – во священника. 30 июня 1923 г. отец Сергий уволился с работы из Тамбовского Губернского телефонного управления, где проработал 18 лет. А в июле 1923 года он уже служил священником в церкви села Ахтырка Рассказовского р-на.

В Ахтырке Отец Сергий прослужил в течение пяти лет – до июня 1928 г. С января 1929 г. Отец Сергий получил назначение священником в Варваринскую церковь г. Тамбова. В январе 1934 г. отца Сергия назначили по совместительству смотрителем свечного производства г. Тамбова.

А в мае 1934 г. случилась беда: Отца Сергия обвинили в «Сокрытии ладана свечного производства». Находясь под следствием, Отец Сергий продолжал числиться в штате Варваринской церкви. И был освобождён от службы 1/I-1935 г., т.е. только после того, как 15/XII-1934 г. был осуждён к 5-ти годам заключения по ст.169/2 народным судом г. Тамбова. В.Ф. Запара предполагала, что обвинение могло быть ложным или же отец Сергий спрятал ладан от изъятия.

Но, так или иначе – а с февраля 1935 г. по май 1939 г. Отец Сергий отбывал «срок исправления» в Прорвинском исправительно-трудовом лагере. Освободившись «по отбытии срока» и получив 17/V-1939 г. паспорт в г. Астрахани, где находился И.Т. лагерь, отец Сергий приехал домой, в Тамбов к жене и сыну.

С 5/VI-1939 г. Сергей Тимофеевич уже работал бухгалтером в Тамбовской областной станции по борьбе с малярией. В войну Сергей

Тимофеевич продолжал работать на «Малярийной станции». Валентина Фёдоровна не работала. Жили они очень трудно, голодали. Их продуктовые карточки обеспечивали мизерную порцию хлеба. Однако в соответствии с христианским долгом они приняли родственников-беженцев из Воронежа. Это были сестра Валентины Фёдоровны – Софья Фёдоровна с дочерью Ниной и внуками: 9-тилетним Валентином и годовалой Светланой.

«Однажды, проснувшись ночью, дедушка не выдержал искушения – так он изголодался – он отломил кусочек хлеба, и так и не смог остановиться: съел всю буханку. А утром, когда все встали, он, сгорая от стыда, признался в своей слабости и сокрушённо просил прощения. И, хотя он никого не оставил голодными (в это время уже благодаря маминому пайку еды по тем меркам хватало), и никто из близких не только не осудил его, а напротив – все успокаивали, утешали и оправдывали его, как умели, он никак не мог успокоиться и простить себе свой грех, и долго чувствовал себя виноватым.

Сын Отца Сергия, тяжело раненный осколком снаряда в висок, попал в плен. Чудом выжил. Выжив – бежал. Каким-то образом – тоже чудом – добрался до дома, в Тамбов. Наверное, молитвы отца и матери спасли его от гибели. Какое-то время Александру, сыну отца Сергия пришлось жить на нелегальном положении: ведь он – сын священника, побывавший в плену!

Потом всё как-то устроилось. А осколок так и остался в виске у моего дяди Шуры. Его часто мучили сильные головные боли, но удалять осколок врачи не решились: операция была слишком опасной»[111].

После войны отец Сергий служил священником: сначала в церкви села Нижнеспасского, а потом – в Иоанно-Богословской церкви города Рассказово.

«Помню «передний» угол в комнате: там висели на стенах и стояли на столе огромное количество икон. Большие и не очень. Старинные, потемневшие от времени; были строго и просто оформленные, другие – в серебряном окладе. Там всегда горела лампадочка. И в спальне тоже были

[111]Воспоминания Запары С.Ф. Записаны и расшифрованы автором в 2015 году.

иконы, но попроще и немного; и тоже лампадочка. И в кухне тоже была икона, тоже с лампадочкой. По праздникам дедушка служил перед ними молебен. Даже дома он почти всегда ходил в подряснике, и почти никогда – в светской одежде. Всё это меня ничуть не удивляло, а воспринималось, как должное.

Бабушка Валентина была старше дедушки Сергея на 5 лет. Жили они душа в душу. Никогда ни Отец Сергий, ни матушка Валентина не повысили друг на друга голоса, не сказали резкого слова, не говоря уж о каких-либо ссорах или грубостях. Высшим изъявлением неудовольствия их по отношению друг к другу было восклицание: «Ох, Валя!» или «Ну, Серёжа!».

Дедушка был очень порядочным, по-настоящему верующим человеком. Очень строго соблюдал посты. Вместе с тем это был уравновешенный, жизнерадостный человек; любил добрую шутку. Любил животных, и они отвечали ему тем же. И людей Отец Сергий любил и помогал им. И совсем не мог постоять за себя… Но рядом с ним всегда было легко и спокойно»[112].

По воспоминаниям внучки, матушка Валентина была замечательной собеседницей. «С ней было очень интересно разговаривать. Она была начитана, имела широкий кругозор, любила оперу и классическую музыку; знала и любила русскую литературу; отлично владела русским языком, в совершенстве его знала. Она сумела и мне впоследствии передать свои знания, любовь к русскому языку, к русской литературе. Вообще, я думаю, что в немалой степени всем лучшим, что есть во мне, я обязана моим родным людям – Отцу Сергию и матушке Валентине… И дом этот был мне и детским садом, и вторым родным домом. Там я очень часто ночевала, а то и жила неделями. Играла с соседскими детьми. Дедушка Серёжа и бабушка Валя возились со мной, заботились, как о родной внучке. Под их присмотром я учила уроки. Под их тёплыми взглядами я росла и формировалась. Спасибо им! Очень жаль, что я не успела сказать им это при жизни.

[112] Воспоминания Запары С.Ф. Записаны и расшифрованы автором в 2015 году.

В нашей Иоанно-Богословской церкви вместе с Отцом Сергием служили Отец Алексей и Отец Яков. Иногда они приходили в дом дедушки. С ними у него были добрые отношения. Ещё были Отец Владимир и Отец Иван. Но их я тогда не видела или не помню. Не знаю точно, где они служили: кажется – в Нижнеспасском.

Праздники для Отца Сергия были очень трудными днями. В те годы священники ходили «по приходу», и очень многие прихожане хотели, чтобы к ним с иконой пришёл именно Отец Сергий. Прихожане его очень любили и уважали. А он, возвращаясь домой, просто валился с ног от усталости. Настоятелем в то время был, по-моему, Отец Алексей. Потом он куда-то уехал. И настоятелем назначили с 15/IX-1958 года отца Сергия. И тогда я услышала, что он – протоиерей Сергий.

А потом приехал выпускник семинарии молоденький священник Отец Николай (Яблочкин). Он часто приходил к Отцу Сергию. Они много разговаривали. Дедушка всегда был ему рад и очень тепло о нём отзывался. И он, и бабушка относились к Отцу Николаю, как к сыну, любили его. Иногда Отец Николай приходил вместе с матушкой – очень приятной, скромной женщиной. Ей тоже были рады.Вскоре приехал и ещё один священник, отец Борис. С 30/VIII-1960 г. Отец Борис был назначен настоятелем. А дедушка опять стал обычным священником»[113].

В 1964 г. отец Сергий перенёс инсульт, но выкарабкался, обошлось без паралича. Но работать, как прежде, уже не мог. Его вывели за штат.Но несмотря на болезнь он не изменил своего образа жизни: так же, как всегда, соблюдал посты, по праздникам служил в церкви. Он остался таким же светлым и добрым человеком, каким был всегда.

3/VI-1967 г. в возрасте 83 лет скончалась матушка Валентина.И отец Сергий осиротел, потеряв свою опору, свою вторую половинку. Они ведь поистине были единым целым. Он пережил свою супругу всего на 6 месяцев. 4/XII-1967 г. Отца Сергия не стало.Незадолго до кончины Отец Сергий

[113]Воспоминания Запары С.Ф. Записаны и расшифрованы автором в 2015 году.

передал племяннице на хранение или на память старенькую скуфью с изображениями святых. Скуфья эта и в настоящее время хранится у С.Ф. Запары[114]».

Замечательный рассказ внучатой племянницы о быте сельского священника с горестями, печалями и бедами, которые свалились на их семью в нелегкие годы гонений, свидетельствует, как мужественно и примерно переносила их эта поистине малая церковь.

Пострадали за веру и другие священники, которые служили в городе Рассказово и чьими именами гордится не только наша Рассказовская земля, но и вся Русская Православная Церковь.

После того как во время Великой отечественной войны Иоанно - Богословский храм вернули верующим, его первым настоятелем был священник Михаил Кронидович Сперанский, человек замечательной судьбы и выдающихся пастырских способностей. Отец Михаил родился 4 августа 1888 г. в деревне Большая Липовка Пичаевского уезда Тамбовской губернии в семье сельского учителя, впоследствии принявшего сан диакона. Деды и прадеды М.К. Сперанского были священниками. Окончил духовное училище и в 1909г. Тамбовскую духовную семинарию. Как лучший выпускник семинарии был направлен на учебу в Академию. В 1909-1913 гг. обучался в С.-Петербургской духовной академии, которую окончил кандидатом богословия. Тема кандидатского сочинения Михаила Сперанского "Богословские воззрения Владимира Сергеевича Соловьева"[115]. В 1913-1918 гг. - преподаватель Тамбовского духовного училища. В 1918 г. вступил в брак с выпускницей Тамбовского епархиального училища Екатериной Николаевной Успенской, которая стала его верной спутницей. Она происходила из старинной семьи тамбовского духовенства, состоявшей в кровном родстве с другой древнейшей священнической семьей - Быстровых.

---

[114]Воспоминания Запары С.Ф. Записаны и расшифрованы автором в 2015 году.

[115]Левин О.Ю., Просветов Р.Ю.Протоиерей Сперанский Михаил Кронидович[Электронный ресурс] // Кирсанов православный. - Кирсанов 2002. – Электронные данные. – Режим доступа:http://www.grad-kirsanov.ru/, свободный. – Просм. 5.05.2016.

С 1918 по 1922 являлся заведующим школой семилеткой в селе Екатеринино Козловского уезда Тамбовской губернии. Осенью 1922 года рукоположен в г. Тамбове в священника архиепископом Зиновием (Дроздовым) и до 1925 г. служил в Троицкой церкви села ГлуховкаОржевского уезда Тамбовской губернии. В 1925 г. по предложению церковного совета Успенского собора г. Кирсанова был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем собора.

В 1930-е годы был арестован и приговорен к заключению в лагерь. Наказание отбыл. В 1932-1937г. проживал в городе Мичуринске (бывший Козлов), где в то время отбывало ссылку духовенство. В 1944 году в Москве встречался с Патриархом Сергием (Старогородским).

В 1945-49 гг. он - благочинный и настоятель Иоанно- Богословского храма в г. Рассказово, пользовался неизменной любовью клира и прихожан. Старожилы рассказовцы, знавшие отца Михаила всегда отмечают благодатные дарования, какими он был наделен от Господа - мягкость и щедрость души, быстрый живой ум, исключительная память, замечательная крепость телесная. О. Михаил часто совершал богослужения и проповедовал в нашем храме, он знал в тонкостях и любил Устав Церковный и древние традиции церковного пения[116].

В 1952 г. Указом Святейшего Патриарха Алексия в 1952 г. назначен ректором Духовной Академии и Семинарии и утвержден доцентом. 28 лет трудился протоиерей Михаил Сперанский в Ленинградских Духовных школах, из них 14 лет - ректором. В июне 1963 г. за сочинение "Введение в изучение Четвероевангелия" Советом ЛДА протоиерей Михаил Сперанский был удостоен степени магистра богословия, и ему было присвоено звание профессора. В 1980 г. вынужден по болезни оставить педагогическую деятельность. Однако, превознемогая немощь, принимал участие в богослужениях в академическом храме, был на заседаниях Совета Академии. В сентябре 1980 г. при выходе на покой Академия почтила Михаила

[116] Из собраний музея Иоанно – Богословского храма

Сперанского званием своего почетного члена. В 1981 г. (после 63-х лет супружества) он овдовел. Свое горе он переносил с христианским терпением. Не будучи в состоянии прийти в храм, он приглашал к себе духовника и причащался Святых Христовых Тайн, готовясь к переходу в жизнь вечную. Скончался 2 июня 1984 года. За свою пастырскую и преподавательскую деятельность был награжден: митрой к Пасхе 1952 года, орденом преподобного. Сергия Радонежского II степени (1983г.)[117].

Добрую память у прихожан и неизгладимый духовный след в истории нашей церкви оставил священник Константин Фёдорович Горчаков. Отец Константин родился 21 мая 1900 года в селе Алаторка Уваровского района. Родители его, Федор Михайлович и Анна Георгиевна, были верующими в Бога крестьянами. Школьного образования мальчик не имел, но занимался самообразованием, много времени и внимания уделял чтению псалтири и Священного писания[118]. В июле 1919 года Константин был призван в Красную Армию, но уже в августе из-за ранения уволен. До 1922 года он жил со своими родителями, помогал вести сельское хозяйство на земле, которой семью Горчаковых наделили после революции 1917 года.В 1921 году Константин Горчаков женился на девице Татьяне Иаковне Бурмистровой. Молодые супруги обвенчались. А 26 февраля 1922 года епископом Николаем Тульским (+ 1955г.) Горчаков был рукоположен во диакона, но вот только служить в этом сане ему не пришлось. В июле 1922 года решением Преосвященного епископа Тамбовского Зиновия диакон Константин допускается к временному исполнению обязанностей псаломщика Казанской церкви села Мосоловка Ржаксинского района Тамбовской области[119].30 сентября 1924 года Преосвященный Дмитрий удовлетворил прошение Горчакова Константина о перемещении его на должность псаломщика

[117]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. Т. 2. С. 286
[118]Там же т. 1. С. 450
[119]Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под.общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014 -.т.1 С.450

Покровской церкви села Алаторка Уваровского района Тамбовской области. И Константин смог вернуться на родину.

22 февраля 1926 года молодой псаломщик держал экзамен для получения права на должность священника. Экзамен был сдан успешно. Преосвященный Стефан (+ 1931г.) сам определил и рукоположил его во священника Казанской церкви села Мосоловка Ржаксинского района Тамбовской области. В 1929 году отец Константин вновь подает прошение о своем переводе. И 30 июня 1929 года Преосвященный Вассиан назначает священника в Никольскую церковь села Пушкари Тамбовского района.

8 сентября 1935 года отец Константин был арестован органами НКВД и содержался под стражей в тюрьме города Тамбова. Приговором выездной сессии судебной коллегии Воронежского областного суда Горчаков Константин был осужден по статье 58 - 10 УК РСФСР и приговорён к пяти годам тюремного заключению. Наказание батюшка отбывал, работая в лагерях Дальстроя.

7 сентября 1940 года отец Константин был освобожден из заключения. Он решил остаться в Дальстрое, устроившись по вольному найму чернорабочим в поселке Оротукан Хабаровского края. За добросовестную работу отец Константин был награжден правительством медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.».

В 1947 году батюшка вернулся из Сибири и подал прошение Преосвященному епископу Тамбовскому и Мичуринскому Иоасафу. Преосвященный Иоасаф определил отца Константина вторым священником в Никольскую церковь села Пущино Ржаксинского района Тамбовской области. А 14 мая 1948 года епископ Иоасаф утвердил его в должности настоятеля этой церкви. С первых же дней служения отец Константин проявил себя заботливым, рачительным пастырем, прекрасным администратором.

В 1966 году батюшку назначили настоятелем Иоанно-Богословской церкви города Рассказово. Рассказывают, что, начав служить в Иоанно -

Богословской церкви отец Константин бросил курить (эту заразу он подхватил в лагерях Дальстроя, куда был сослан советской властью). «Негоже священнику,- говорил он, - нести на себе такую страсть, если духовные чада приходят к нему исповедоваться в том же пороке»[120]. Все, что ему давали прихожане, отец Константин жертвовал людям и церкви ничего себе не оставлял, чем снискал у рассказовцев добрую память милостивого и боголюбивого пастыря[121].

Архиепископ Иннокентий Тамбовский и Мичуринский ходатайствует за отца Константина перед Патриархом Алексием I. В результате этого ходатайства батюшке вручили награду - крест с украшением. А в 1971 году Высокопреосвященнейший митрополит Пимен наградил его митрой. Во время настоятельства отца Константина был произведен большой ремонт Иоанно- Богословской церкви. Несмотря на это, нашлись недоброжелатели, которые написали жалобы уполномоченному, в коих, ссылаясь на немощь и возраст отца Константина, просили о переводе его в другой приход.

Действительно, подорванное в заключении здоровье в последние годы давало о себе знать, поэтому в декабре 1975 года протоиерей Константин Горчаков пишет прошение о зачислении его за штат. Архиепископ Михаил удовлетворил его просьбу.

20 апреля 1979 года после тяжелой, продолжительной болезни отец Константин скончался. Случилось это в Великую Пятницу. 23 апреля, в понедельник Светлой Седмицы, по благословению архиепископа Тамбовского и Мичуринского Михаила в Иоанно-Богословском храме города Рассказово прошло отпевание. Оно было совершено настоятелем Покровского Кафедрального собора города Тамбова протоиереем Николаем Степановым, а так же сыном покойного, протоиереем Борисом Горчаковым,

[120] Из собраний музея Иоанно – Богословского храма
[121] Там же

клириком Ленинградской епархии, священниками из многих других приходов. Множество прихожан пришло проститься с усопшим[122].

Горчаков Константин Федорович постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 4 мая 1966 года был реабилитирован. Похоронен отец Константин на кладбище г. Рассказово.

Еще одним испытавшим тяготы заключения священнослужителем был священник Алексий Георгиевич Петров(1879-1966). Алексий Георгиевич Петров родился 1 марта 1879 года в селе Кершинские Борки Моршанского уезда Тамбовской губернии (ныне Моршанский район Тамбовской области). Получил среднее богословское образование, окончив полный курс Тамбовской Духовной семинарии в 1900 году. С августа того же года работал учителем в церковно-приходской школе деревни Молоканская Моршанского уезда (ныне Пичаевский район). Женился, супругу звали Таисией Феодоровной. В 1902 году он был рукоположен в сан священника. Отцу Алексию довелось служить в разных храмах, каждый раз переезжая на новое место. Так, с февраля 1902 года по декабрь 1904 года он служил в селе Лысинский погост Елатомского уезда (ныне Ермишинский район Рязанской области). В 1920 году отец Алексий переехал в село Средняя Оржевка Уметского района и продолжал служить там до 1933 года. В январе 1934 года его перевели в село Сампур Сампурского района.

5 августа 1937 года отец Алексий был арестован, обвинен в контрреволюционной агитации. Постановлением заседания «тройки» УНКВД по Тамбовской области от 5 декабря 1937 года был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание отец Алексий отбывал в учреждении У-235 в Саянском районе Красноярского края, куда этапом прибыл 27 апреля 1938 года из Тамбовской тюрьмы. Шесть лет изнурительных работ и нечеловеческого отношения к узникам выдержал

[122]Вечная Память усопшим о. Константин Горчаков (Тамбовская епархия) //Журн. Москов. Патриархии.-1980г.-№4. - стр. 19.

батюшка. В 1944 году комиссией врачей он был признан инвалидом и 10 марта 1944 года по директиве № 467/18 освобожден досрочно.

В 1945 году протоиерей Алексий Петров поступил на службу в Иоанно-Богословскую церковь города Рассказово Тамбовской области, а в феврале 1949 года его назначили настоятелем этой церкви и благочинным церквей Рассказовского округа. Скончался 5 января 1966 года, похоронен на кладбище города Рассказово. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 5 декабря 2000 года[123].

Побывал в лагерях Иоанн Феодорович Дементьев. Он родился в 1871 году в селе Верхнеспасское Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Рассказовский район Тамбовской области). Перед арестом, в 1936 году, был псаломщиком в церкви по месту рождения. Приговорен постановлением Особого Совещания при НКВД СССР к пяти годам высылки в Красноярский край. Реабилитирован Прокуратурой Тамбовской области 24 апреля 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года[124].

Нелегкая судьба выпала на долю монахини Евдокии (Евдокии Андреевны Саватеевой, 1890-?). Евдокия Андреевна Саватеева родилась в селе Верхнеспасское Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Рассказовский район Тамбовской области) в крестьянской семье. Где она приняла постриг, неизвестно (по воспоминаниям людей, знавших ее, в каком-то монастыре близ Рассказово). В 1920-х годах судьба забросила ее в Моршанский район, где она познакомилась с инокиней Пелагией (Ивашиной). Одно время матушки жили в родном селе Пелагии Крюкове, потом в Моршанске. В 1934 году Пелагия была арестована и выслана. Отбыв срок, через пять лет она вернулась, и матушки вновь стали жить в небольшом домике на ул. Сакко и Ванцетти, д 5. Часто в келию к ним ходила Мария Розвязева. Девушка росла под влиянием благочестивых матушек. Когда

[123]Из собраний музея Иоанно – Богословского храма
[124]Из собраний музея Иоанно – Богословского храма.

Мария в составе трудармии попала на Урал, Евдокия Андреевна писала ей письма, всякий раз заканчивая их словами: «Мария, я за тебя молюсь». 12 апреля 1945 года матушка Евдокия была арестована УНКВД Тамбовской области и заключена под стражу в Моршанскую тюрьму. Хотели арестовать и Пелагию, но она, пользуясь суматохой и темнотой ночи, убежала через задние ворота, и некоторое время скрывалась у верующих людей. Приговором военного трибунала войск НКВД Тамбовской области 30 июня 1945 года монахиня Евдокия была осуждена по ст. 58 п. 10 УК РСФСР и приговорена к лишению свободы на десять лет с конфискацией имущества. Вначале матушку содержали на переоборудованном под колонию бывшем стекольном заводе в Моршанске, где она даже умудрялась приходящим к ней на свидание давать небольшие гостинцы в виде ржавой пайковой хамсы, а потом угнали по этапу в ИТК №2 7. Срок заключения Евдокия отбыла полностью. Как рассказывала она позже, донос на нее написал некий В., бывший иподиакон обновленческой церкви. После освобождения матушки Евдокия и Пелагия вновь съехались и продолжали жить в своем домике, который конфискован не был. На работу устроились швеями-надомницами по пошиву военной формы. В келье у них было всегда чисто, много старинных икон и целый шкаф православной литературы. Жили жизнью благочестивой, пребывая в посте и молитве. Позже (когда объявили, что их келейка попадает под снос) матушка Евдокия уехала к сестре в Рассказово, а затем монахини из села Семикино уговорили ее идти жить к ним, где она и окончила свои дни. Скончалась монахиня Евдокия (Савватеева) в конце 1970-х годов. Реабилитирована Прокуратурой Тамбовской области 20 ноября 1992 года в соответствии с Законом РФ от 18 октября 1991 года[125].

Мирянка Анна Георгиевна Холодова (Кузичева) родилась в 1903 году в селе Дмитриевщина Тамбовского уезда Тамбовской губернии (ныне это Рассказовский район Тамбовской области). В 1938 году была осуждена

[125] Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. Т.3. С. 92.

Особым Совещанием НКВД СССР по ст. 58 п. 10, ст. 58 п. 11 УК РСФСР, приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на восемь лет. Срок наказания отбывала в Коми АССР, где в 1946 году была освобождена. Перед вторым арестом, в 1949 году, проживала в городе Рассказове и входила в состав церковной группы села ВыездноеАрзамасского района Нижегородской области. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 30 июля 1949 года осуждена по ст. 58 п. 10, ст. 58 п. 11 УК РСФСР, приговоренак высылке на поселение в Новосибирскую область. В 1954 году была освобождена без снятия судимости. Реабилитирована Прокуратурой Тамбовской области 29 июня 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совет СССР от 16 января 1989 года[126].

Из 17 репрессированных и погибших священников рассказовской земли смертный приговор был вынесен шестерым, их участь разделил один активный прихожанин. Сгинули в ГУЛАГе еще 11 батюшек. Кроме того, не вернулись из заключения две монахини, два церковнослужителя, два активных мирянина, одна жена священника. Был убит без приговора один сын священника. Вернулись из заключения и прожили достойную жизнь христианина в любви к ближним три священника, псаломщик, монахиня и мирянка. Эти сведения явно неполные. Многим после возвращения приходилось долго скрываться, уезжая далеко от родных мест. Все эти благочестивые люди пострадали или были расстреляны только за то, что не захотели поменять горячую веру на спокойную жизнь советского гражданина во всем подчиняющегося государству.

[126] Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. Т.3. С.422.

Заключение

Хорошо известно, что пиком политических репрессий в СССР был 1937 год. Но он был подготовлен предыдущими годами жестокости и имел продолжение в последующие годы. Привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку коммунистические идеалы ставились выше основной ценности – ценности человеческой жизни. Среди замученных были люди, не только имевшие собственное мнение, но и не боявшиеся его высказывать и защищать. Духовное сословие было обречено советской властью на заклание с 1918 года. Но оно, на протяжении семидесяти лет теряя в тюрьмах и лагерях отцов, братьев, и сыновей, продолжало хранить веру в Господа нашего Иисуса Христа и вело за собой мирян. Чаша сия не минула ни высших иерархов, ни сельских священников.

На Рассказовской земле отчетливее всего были выражены четыре волны репрессий за веру. Это начало 1920-х годов, когда совершались расстрелы без суда «по революционной справедливости». События крестьянской войны («Антоновщины») дали Красным возможность обвинять священно и церковнослужителей в поддержке «бандитов». А кампания по изъятию церковных ценностей добавила аргументов для обвинений в антигосударственных настроениях. Но мы почти не знаем имен погибших в те годы.

Вторая, хорошо организованная волна, пришлась на конец 1920-х – начало 1930-х годов и была связана с коллективизацией. Под нее попало немного рассказовских священнослужителей. Гораздо больше страдали миряне.

Третья волна была самой кровавой. Большинство смертных приговоров (в разной формулировке) было вынесено в 1937-38 годах. Имена этих невинных жертв наиболее известны.

Четвертая волна прокатилась в послевоенные годы. Приговоры были помягче, но судьбы все равно ломались. Несмотря на беспредел властей в

городе и в районе, священники, служившие в церквях, сохранили в своей пастве относительный порядок, за что были неоднократно обвиняемы местной властью за пропаганду веры в атеистическом современном обществе.

Среди пострадавших священников было два поколения. Старшее имело дореволюционное духовное образование, в основном, полученное в Тамбовской духовной семинарии. Младшее поколение (1903 год рождения и моложе) не успели окончить Тамбовскую семинарию, закрытую в 1918 году. Но твердость в вере была одинаковой у всех.

Пострадали от репрессий как уроженцы Рассказовского района, так и прибывшие на духовное служение жители других мест. Главную роль играло не место рождения, а условия воспитания. Безбожная власть выкашивала священнические семьи «под корень». За арестом убежденного в своей правоте батюшки в селе следовали аресты дьякона, псаломщика, сторожа этого храма. Пережившие лагерные муки священники и миряне находили в себе духовные и физические силы для возвращения к служению Богу.

Книги и семейные реликвии семей мучеников за веру собраны и достаточно точно воссозданы в музеях местных церквей: Иоанно-Богословской в Рассказово, Покровской в селе Нижнеспасское, церкви села Саюкино, а также в музее воскресной школы при церкви великомученицы Екатерины в Рассказово. В Рассказово на месте взорванной Покровской церкви поставлен памятный крест. Ведутся раскопки на обнаружение захоронения расстрелянных (по мере разрешения их в частных владениях), так как там пролегает улица Комитетская. На месте Троицкого храма обнаружены памятники знатным людям города, захороненным в дореволюционное время, обнаружена стена или часть фундамента храма в подвале близлежащего многоэтажного дома. Чуть дальше идут восстановительные работы в храме священномученика Кирилла. Восстановлен нижний придел церкви влкмуч. Екатерины во имя иконы Б.М.

«Неупиваемая чаша». В верхнем же главном приделе ведутся также восстановительные работы.

Но память жива не в надписи на камне а в живых сердцах. Все эти находки и исследования нужны для того чтобы следующие поколения знали как жили их деды и прадеды. Им также необходим их (прадедов) пример жизни, чтобы не повторилось то разложение веры в сердцах будущих поколении. Потому что самое страшное это когда сыны останутся без веры. Если человек останется без веры то он перестает быть свободным а значит будет раб греху и страстям. Тогда любой враг самый слабый сможет завладеть человеком. Мы постарались показать хронологию событий, которые происходили в годы становления и расцвета советской власти и привели к упадку морального облика православного христианина в нашем Рассказовском районе. Вместе с тем, в эту тяжелую годину сияли столпы истинного благочестия.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Андриевский А. Е. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов. 1911.
2. Воспоминания в видеозаписи по материалам телеканала «ТВ-Рассказово»: Воспоминания жительниц г. Рассказова, проживающих по ул. Комитетской: Александры Плаксиной, Клавдии Свиридовой, Таисии Аристовой.
3. Воспоминания, собранные И. А. Озарновым.
4. Воспоминания Алексея Воробьева местного жителя с. Нижнеспасское Рассказовского района. Записаны автором выпускной квалификационной работы 2 ноября 2015.
5. Воспоминания Запары С.Ф. Записаны и расшифрованы автором выпускной квалификационной работы в 2015 году
6. Воспоминания супруги о. Гавриила Алабовского. Записаны автором работы в 2015 году.
7. Рассказ соседки Зои о семье Алабовских, которая слышала эту историю от своей матери. Записаны автором работы.
8. Выписка из метрической книги Иоанно-Богословского храма с 1914-1965. Хранится в музее собора.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина»: Документы и материалы.- Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. -334 с.
10. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. Москва, ОЛМА ПРЕСС, 1995.
11. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. Москва: Вече, 1996. 386 с.
12. Русская Православная Церковь. XX век. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 800с.: ил.

13. Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. / Тамб. митрополия ; под общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. прот. Александр Сарычев. - Тамбов: ОАО Издательский дом Мичуринск, 2014.
14. Тамбовский мартиролог(1917-1953).-Тамбов: Юлис,2007.-271 с.
15. Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. Ст. 58. П.10,11. Москва, 1926. С.330.
16. Фотографии из коллекции музея Иоанно Богословского собора в городе Рассказово. (Находятся в приложении).

Литература:

1. Алленов, А. Н. Власть и Церковь: Тамб. епархия в 1917-1927 гг. - Тамбов: Юлис, 2005.
2. Бутовский полигон. Русская Голгофа. Храм Святых новомучеников и исповедников Российских. Москва: ЗАО ТДДС - Столица, 2014. 62 с.
3. В западне российского безбожия: Житие иеросхимон. Павла. - Москва.: Паломник, 2003. 125 с.
4. Вечная Память усопшим о. Константин Горчаков (Тамбовская епархия) //Журн. Москов. Патриархии.-1980.-№4. С. 19.
5. Дамаскин (Орловский). Жития новомучеников и исповедников Российских XX века: в 7 кн. / игум. Дамаскин (Орловский). - Тверь: Булат, 2005-2007.
6. Журавский, А. В. Во имя правды и достоинства Церкви. - Москва: Изд-во Срет. монастыря, 2004. 350 с.
7. За Христа пострадавшие: гонения на Русскую Православную Церковь, 1917- 1956 гг. В 2 кн. Кн. 1. А-к. - Москва: Изд-во Православ. Свято-Тихон. Богосл. ин-та, 1997.
8. За победу безбожников // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов". 1921 . № 154
9. Канонизация святых в XX веке. Москва: Вече, 1999. 386 с.
10. Кашеваров А.И. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной Церкви. 1917-1945 гг. - СПб., Наука, 1995. – 423 с.
11. Ковалевский, А. Промысел Божий в жизни верующих и неверующих. - Москва. 2002. 375 с.
12. Краткая история города Рассказово - электронные данные - режим доступа: http://www.rasskazovo.ru/index.php, свободный. - Загл., с экрана, - просм.,2.04.16.

13.Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. - Москва: Вече, 1997. – 520 с.
14.Кученкова В. Асеевы. Тамбов: Юлис, 2004. 130 с.
15.Марченко Алексий, протоиерей. «Хрущевская церковная реформа». Очерки церковно-государственных отношений (1958-1964). Пермь, 2007. - 260 с.
16.Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965-1991) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 51-59.
17.Миненков Д.Д. Тыловое ополчение в системе Народного комиссариата по военным и морским делам — Народного комиссариата обороны СССР (1933—1937 гг.). - Новосибирск, - 2006. - 278 с.
18.Митрофанов Георгий, протоиерей. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике - Санкт-Петербург: Моби Дик, 2009. - 240 с.
19.Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953), Москва; Жуковский, 2006. 520 с.
20.Некролог К. П. Терлецкому // Киевские Епархиальные Ведомости (КЕВ).- 1905.- № 18.
21.Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 19141-1945 гг. Москва: Вече, 1995. С.37-40.
22.Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917-1938 гг.). Москва: ТЕРРА, 1999. - 350 с.
23.Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: История взаимоотношения с государством и обществом. Москва: ТЕРРА, 2002. 480 с.

24.Патриарх Кирилл. Проповеди в храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]: [проповедь] // Слово в память Новомучеников и Исповедников Российских. – Москва, 2014. – Электронные данные. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/, свободный. – Просм. 12. 02. 16.
25.Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995. - 511 с.
26. Православное общество азбука веры - электронные данные - режим доступа: http://azbyka.ru/mucheniki, свободный. - Загл., с экрана,- просм.20.04.16.
27.Прот. А Сарычев, Репрессии 30-х, свящ. Василий Гавриилович Сазыкин // Тамбовские Епархиальные ведомости. 2008. № 2 (14). С.34; 2009. №8(20). С.42.
28.Роман (Лукин). За бегство от Советской власти - расстрел / игум. Роман
29.Русская Православная Церковь 988 -1988, Вып.2. Очерки истории 1917 - 1988 гг. Москва: Наука, 1988. - 360 с.
30.Русская Православная Церковь в советское время (1917 -1991): в 2 т. Москва: Республика, 1995. –В 2-х т.
31.Свт. Дмитрий митрополит Ростовский. Жития Святых: в 12 т. – изд. – Свято - Введенская Оптина Пустынь,1993.
32.Сенников Б. В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. - Москва: Посев, 2004. 458 с.
33.Тамбовский патерик: Православные святые и подвижники благочестия Тамб. края: в 2 кн. / сост.: Алленов А. Н., Левин О. Ю., Бочаров А. С. - Тамбов: Пролетар. светоч, 1999.
34.Цыпин В. История Русской Церкви (1919-1997 гг.) / протоиер. В. Цыпин. Москва: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам.монастыря, 1997. 340 с.
35.Цыпин Владислав, протоиерей. История русской Православной церкви. 1917-1990. М.: Изд. Дом Хроника, 1994. - 252 с.
36.Чеботарев, С. А. Тамбовская епархия в 40-60-е годы XX века. - Тамбов: Юлис, 2004. 380 с.

37. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие, 1941-1961 гг. М.: Вече, 1999. 345 с.
38. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке.- Москва: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
39. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Москва. ТЕРРА. 1999. 426 с.

Приложение 1

Воспоминания о священнике Сергее Тимофеевиче Баранове. Записаны и расшифрованы автором работы в 2015 году

Про о. Сергия нам рассказала Запара Светлана Фёдоровна, внучатая племянница Отца Сергия (Баранова). Мы не видим причины изменять что либо из её рассказа и приведем его полностью.

«Отец Сергий. Сергей Тимофеевич Баранов. Мой дедушка. Мой очень любимый и уважаемый дедушка. Очень добрый и светлый человек.

И хотя родство наше с ним было не кровное (Матушка его Валентина была сестрой моей родной бабушки, Софьи – т.е. моей двоюродной бабушкой), и матушка его, и он всегда были для меня очень близкими и родными людьми.

В основу моего рассказа легли воспоминания моей мамы – племянницы Валентины Фёдоровны и отца Сергия. От неё мне известны некоторые подробности из жизни семьи отца Сергия в ранние годы. А о послевоенных годах их жизни – уже привожу собственные впечатления и воспоминания.

Биографические данные взяты мною из архивных документов.

Родился отец Сергий 22.09.1889 г. (10.09.1889 г. по старому стилю) в г. Тамбове в трудолюбивой и дружной семье. В тот же день его окрестили во Введенской церкви г. Тамбова.

Родители его, хотя и жили уже в это время в г. Тамбове, но были крестьянского происхождения.

Отец его Тимофей Емельянович Баранов – крестьянин с. Нижнеспасского, сын казённого крестьянина.

Мать – Мария Тарасова Баранова (урождённая Струсова) – крестьянка с.Лужково Тамбовского уезда Покровской волости.

Пятью годами позже Сергея – 24.05.1894 г. родился его младший брат – Иван. Одной из крёстных родителей Вани была дочь Титулярного Советника Юлия Петровна Шаманина, с родственниками которой (насколько я помню)

уже в послевоенные 50-ые годы семья отца Сергия продолжала поддерживать добрые отношения.

Детство Сергея прошло в Тамбове. Когда он подрос, его отдали в городское четырёхклассное училище. В 16 лет Сергей, окончивший училище, в августе 1905 года поступил на службу в Управление Тамбовского почтово-телеграфного округа в качестве канцелярского служащего. Позже он работал там же на должности младшего механика.

Когда Управление было реорганизовано в Тамбовское губернское телефонное управление, Сергей продолжал работать там же, в обновлённом учреждении. В общей сложности 18 лет он проработал на одном месте.

Когда и как познакомился Сергей со своей будущей женой – Валентиной, неизвестно. Скорее всего, это произошло не без участия семьи Шаманиных; иначе – где бы могли встретиться изнеженная дочь Воронежского дворянина Губернского секретаря Федора Давыдова и простой канцелярский служащий крестьянского происхождения?

Валентина рано потеряла родителей, но получила хорошее воспитание и была типичной представительницей Российского дворянства. Делать она ничего не умела. Но, хотя это и осложняло быт молодой семьи, однако никак не отразилось на их отношениях.

Родители Сергея – Тимофей Емельянович и Мария Тарасовна – к невестке-дворяночке отнеслись доброжелательно и с пониманием.

19/VIII-1920 г. у Сергея и Валентины родился долгожданный сын Александр.

Когда появилась возможность продолжить учёбу, Сергей поступил в Тамбове в школу повышенного типа для взрослых; закончил её в 1922году, и, получив необходимое образование, круто изменил свою жизнь, решив в сложное время гонений на церковь стать священником: 24/VI-1923 г. в возрасте 34 лет Сергей Тимофеевич Баранов был рукоположен Епископом Иоанном (Троянским) во диакона, а 25/VI –того же –1923 г. – во священника.

30 июня 1923 г. отец Сергий уволился с работы из Тамбовского Губернского телефонного управления, где проработал 18 лет.

А в июле 1923 года он уже служил священником в церкви села Ахтырка Рассказовского р-на.

Мама моя – племянница матушки Валентины, будучи ребёнком, часто приезжала с матерью к «тёте Вале и дяде Серёже» в Ахтырку. Родители Отца Сергия жили там же. У них были лошадь и корова (которую матушка Валентина всё-таки научилась доить). Тимофей Емельянович заготавливал сено и брал с собой внука Шуру и племянницу невестки Нину – мою маму, и они ехали на возу с сеном. С ними на возу ехал и лохматый пёс Матлёт. Мама моя с большой теплотой вспоминала эту простую добрую семью.

А ещё маме запомнилась в Ахтырке церковь: маленькая, светлая и очень уютная.

В Ахтырке Отец Сергий прослужил в течение пяти лет – до июня 1928 г., когда почему-то оказался безработным. (Возможно, что в это время церковь в Ахтырке закрыли? – Мне этого выяснить не удалось).

С января 1929 г. Отец Сергий получил назначение священником в Варваринскую церковь г. Тамбова. И Отец Сергий с семьёй снова переехал в г. Тамбов.

В январе 1934 г. Отца Сергия назначили по совместительству смотрителем свечного производства г. Тамбова.

А в мае 1934 г. случилась беда: Отца Сергия обвинили в «Сокрытии ладана свечного производства».

Находясь под следствием, Отец Сергий продолжал числиться в штате Варваринской церкви. И был освобождён от службы 1/I-1935 г. , т.е. только после того, как 15/XII-1934 г. был осуждён к 5-ти годам заключения по ст.169/2 народным судом г. Тамбова.

Что послужило причиной этого обвинения? Ни в Тамбовском архиве, ни в УФСБ этих сведений, к сожалению, отыскать не удалось. Остаётся только

делать предположения. Не зная специфики свечного производства и событий, ставших причиной обвинения Отца Сергия, могу лишь предположить:

первое – он мог стать жертвой оговора или чужого хищения (если это было хищение);

или – второе, что кажется более вероятным: возможно, представители власти, решившей прекратить производство свечей, намеревались уничтожить ладан? Тогда причина «сокрытия ладана» Отцом Сергием проста: он спасал ладан от уничтожения.

Но это только мои и моего сына предположения.

В одном уверена: Отец Сергий просто не способен был совершить какого-либо хищения, не такой он был человек.

Но, так или иначе – а с февраля 1935 г. по май 1939 г. Отец Сергий отбывал «срок исправления» в Прорвинском исправительно-трудовом лагере.

Освободившись «по отбытии срока» и получив 17/V-1939 г. паспорт в г. Астрахани, где находился И.Т. лагерь, Отец Сергий приехал домой, в Тамбов к жене и сыну.

С 5/VI-1939 г. Сергей Тимофеевич уже работал бухгалтером в Тамбовской областной станции по борьбе с малярией.

Во время В.О.В. чета Барановых жила в Тамбове на ул. Базарной, в самом начале улицы. Сын их, Александр Сергеевич Баранов (мой дядя), в предвоенные годы проходил срочную службу в армии, и в 1940 г. находился в г. Феодосии. Он был связистом. Во время Великой Отечественной Войны был на фронте.

Сергей Тимофеевич продолжал работать на «Малярийной станции». Валентина Фёдоровна не работала. Жили они очень трудно, голодали. Их продуктовые карточки обеспечивали мизерную порцию хлеба.

В это тяжкое время к ним приехали, эвакуировавшиеся из горящего Воронежа и добравшиеся до Тамбова после долгих скитаний, мы: сестра Валентины Фёдоровны – Софья Фёдоровна (моя бабушка) с дочерью Ниной

и внуками: 9-тилетним Валентином и со мной – годовалой девчонкой – Светланой.

Когда семья Отца Сергия пополнилась за счёт нашего семейства, стало ещё труднее. Но потом мама устроилась на работу в госпиталь, и кроме зарплаты и продуктовых карточек получала в госпитале дополнительный паёк. В доме появился хлеб.

Однажды, проснувшись ночью, дедушка не выдержал искушения – так он изголодался – он отломил кусочек хлеба, и так и не смог остановиться: съел всю буханку.

А утром, когда все встали, он, сгорая от стыда, признался в своей слабости и сокрушённо просил прощения. И, хотя он никого не оставил голодными (в это время уже благодаря маминому пайку еды по тем меркам хватало), и никто из близких не только не осудил его, а напротив – все успокаивали, утешали и оправдывали его, как умели, он никак не мог успокоиться и простить себе свой грех, и долго чувствовал себя виноватым.

Сын Отца Сергия, тяжело раненный осколком снаряда в висок, попал в плен. Чудом выжил. Выжив – бежал. Каким-то образом – тоже чудом – добрался до дома, в Тамбов. Наверное, молитвы отца и матери спасли его от гибели. Какое-то время Александру, сыну Отца Сергия пришлось жить на нелегальном положении: ведь он – сын священника, побывавший в плену!

Потом всё как-то устроилось. А осколок так и остался в виске у моего дяди Шуры. Его часто мучили сильные головные боли, но удалять осколок врачи не решились: операция была слишком опасной.

После войны Александр Сергеевич женился, но детей у него не было. Возможно, из-за ранения.

Также, как и Отец Сергий, он был мягким и безответным человеком.

Он умер в возрасте 64 лет, через 7 лет после кончины своих родителей 19/X-1984 г.

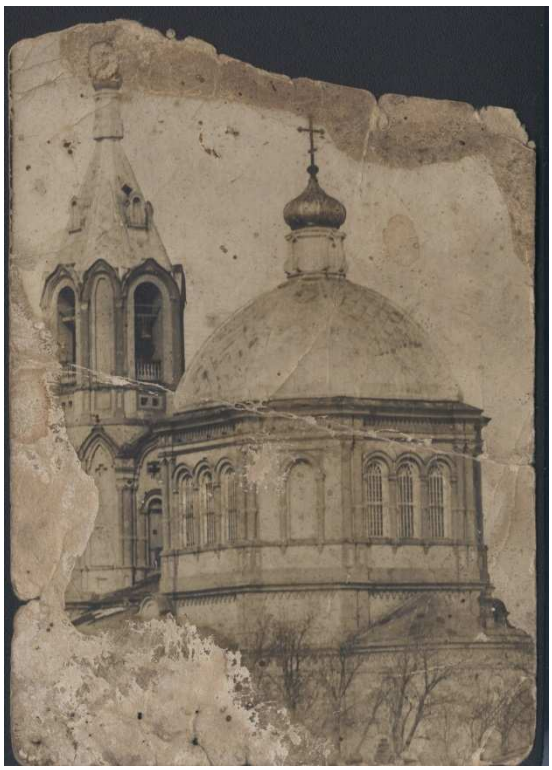
Приложение 2

Таблица №1 Уроженцы Рассказовского района, пострадавшие за веру

Ф.И.О. сан, даты жизни	Место рождения	Место служения	Арестован	Расстрелян	Репрессирован	Реабилитирован
Свящ. Василий Петрович Алабовский (1876-1930)	Саюкино	1.Моршанск. Феодоровская церковь 2 Моршанск. Никольская (Рождества Богородицы) церковь	1929	1930		1956
Свящ. Гавриил Петрович Алабовский (1887-1931)	Саюкино	Саюкино. Михайло-Архангельская церковь	1923			
Священник Иоанн Петрович Алабовский (1878-1937).	Саюкино	Саюкино. Михайло-Архангельская церковь	1931	1937	1931-1936	1989
Свящ. Михаил Петрович Алабовский (1874-1937)	Саюкино	1. Киев. Макарьевская церковь 2. Киев. домовая в честь св. Марии Магдалины церковь 3.Киев Крестовоздвиженская церковь	1937	1937		1981
Священник Александр Иоаннович Боголюбов (1886-?)	С. Осиновка	Церковь Казанской Божией Матери	1937		1937-?	1964
Священник Григорий Васильевич ГРИДНЕВ (1893-?)	село Рождественское Тамбовского уезда	Церковь села Ольховка Инжавинского района	1930		1930-?	1969
Священник Михаил Иоаннович Боголюбов (1877-?)	село Осиновка	церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы села Новгородовка	1937		1937-?	1991
Священник Петр Васильевич Боголюбов (1878-?)	Село Осиновка	Служил в г. Моршанск в одном из храмов сверхштатным священником	1937		1937-?	1957

Священник Михаил Феодорович Смирнов (1872-?)	село Нижнеспасское	Казанская церковь села Крюково Моршанского района	1937		1937-?	1965
Диакон Александр Павлович Забавников (1884-?)	село Нижнеспасское	село Нижнеспасское храм Покрова Пресвятой Богородицы	1936		1936-?	1961

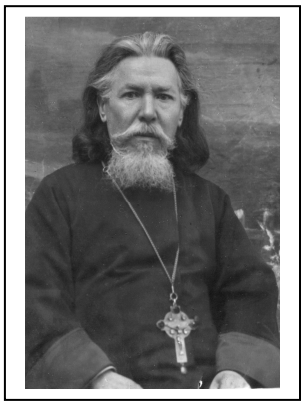
Иоанно – Богословская церковь 1914 г.



Священники, служившие в Иоанно-Богословской церкви

Двадцатка. В центре: священник .
протоиерей Алексей Петров;
Верхний ряд-третий справа-
Чернышов Федор Иванович,
Второй ряд,вторая слева-
монахиня Ксения. 1949 г. И.Б. церковь.

Стоят: слева-направо:
Регент Егор Моисеевич
Протодиакон Иаков
Сидят: слева-направо:
Прот. Иаков Егоров(+1958),
Настоятель прот. Алексей
Петров(+5.01.1966),
Прот Сергий Баранов,(духовник
Рассказ.округа)



Настоятель И.Б. храма
Алексей Петров.

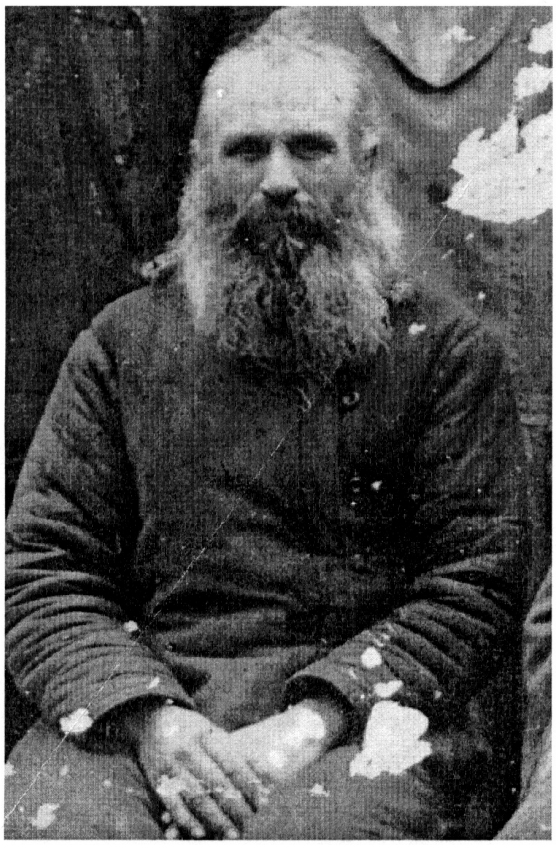
Церковный хор фото послевоенного времени.

о. Константин
Горчаков(1900 – 1979)

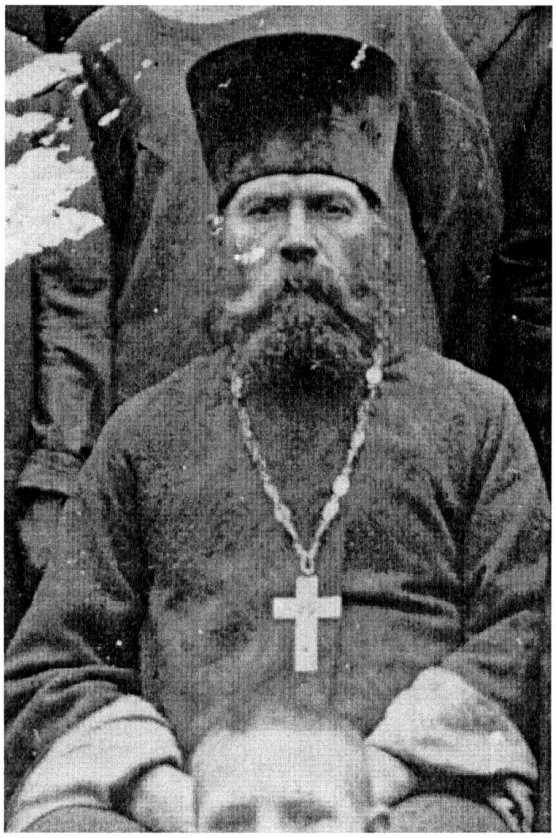
о. Михаил Кронидович
Сперанский (1888 – 1984)

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с. Нижнеспасское фото 1910г

Клир и причт Покровской церкви с Нижнеспасское



Диакон и псаломщик Александр Павлович, вероятно, Зыбин. Сослан около 1937 года. Дальнейшая судьба неизвестна.

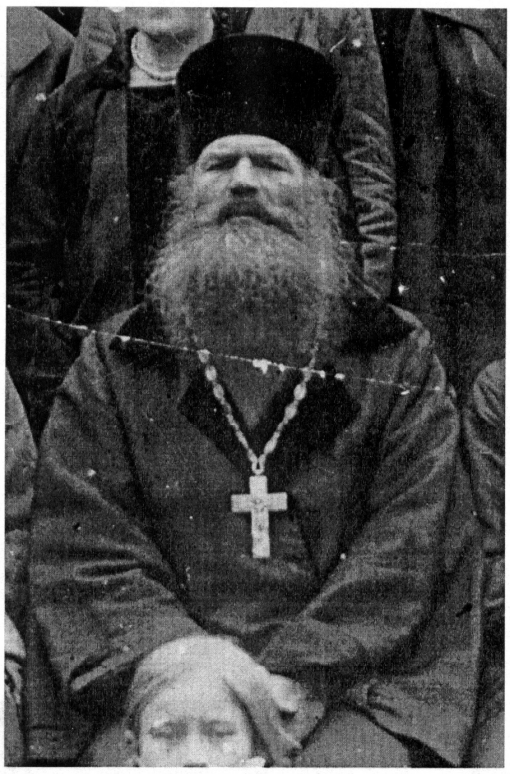


Отец Павел (протоиерей?). Около 1937 – 38 года арестован и сослан, судьба неизвестна.

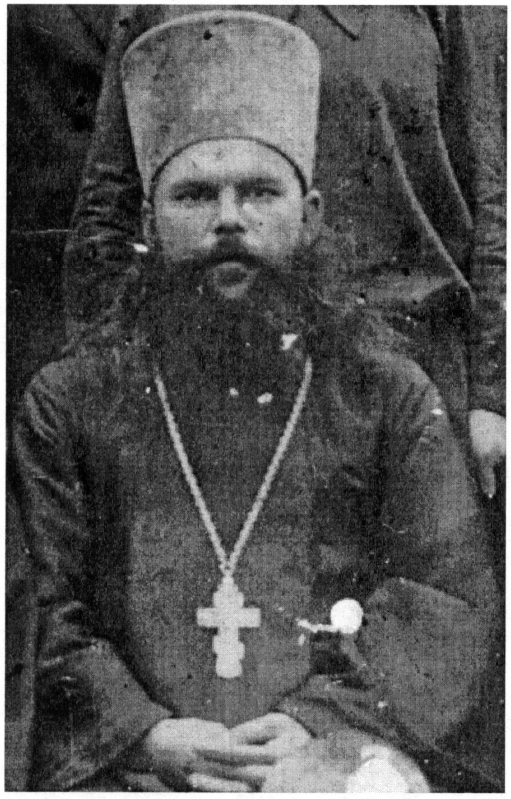
Мария Михайловна Денисова (в девичестве Аксенова). Раскулачены и сосланы всей семьей. Судьба Марии неизвестна, после войны в Нижне-Спасское вернулся один отец.

Сведения предоставлены Михаилом Тимофеевичем Поймановым, 1913 г.р. На фото ему 14-15 лет. Пел в хоре альтом.

В 1937 году храм в селе Нижне-Спасском был закрыт после ареста всех священников. Вновь открыт в 1943 г.



Отец Иннокентий (иеромонах?). Регент церковного хора, не служил.



Иерей Петр Альбицкий. В храме служил с дореволюционного периода до 1937 года.

Около года жил на квартире, после того как был выселен из собственного дома. Арестовали, увезли в неизвестном направлении. Дальнейшая судьба неизвестна.

Церковь Архангела Михаила в с. Саюкино фото первозданного вида, к сожалению не сохранились

Алабовские Семейное фото 1908г.

На снимках: Петр Васильевич - отец, Анна Никифоровна - мать; братья Алабовские: вверху - Михаил, 1872 года рождения, внизу - Василий, 1876 года рождения.

Из собраний музея Иоанно-Богословской церкви

Церковный хор с. Саюкино
Слева направо (стоят): Вера, Юлия, Александра, Елена, Александра.,
(сидят): Александра, Анна, Тихон,Мария,Клавдия

Покровская церковь, взорванная в 30-х годах

Памятный крест на месте Церкви Дмитрия Солунского с. Дмитриевщина исторического фото не сохранилось.